
ТЕЙРА РИ
СКАЗАНИЯ МЕЖДУКНЯЖЬЯ
РАСКАЙСЯ
18+

Тейра Ри

Сказания Междукняжья. Раскайся

«Автор»
2026

Ри Т.

Сказания Междукняжья. Раскайся / Т. Ри — «Автор», 2026

Берг хотел спасти Веяну, но вместо этого обрек на заточение и пытки.Теперь она в руках Межимира — бога, который веками правит Междукняжьем под чужим именем. Чары Веяны подавлены, а сам Берг поставлен сторожить ту, чье доверие предал.Но ведьма еще не сдалась. Пока союзники готовят восстание, она ищет способ вырваться из плена и добраться до Первотени. Ведь только эта древняя сила может одолеть Межимира — если Веяне удастся ее подчинить.Берг раскаивается. Он готов помочь ведьме бежать и примкнуть к восстанию, но не желает отдавать ее Первотени. И Веяне предстоит решить: отказаться ради Берга от войны, к участию в которой ее готовили с рождения, или исполнить свое предназначение, но потерять любовь.

© Ри Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Пролог 6
Глава 1. Сила воли 9
Глава 2. Как же так? 14
Глава 3. Изба с секретами 19
Глава 4. Комок зеленушный и морда клыкастая 25
Глава 5. Как же быть? 31
Глава 6. Мертвая вода 38
Глава 7. Последнее желание 43
Глава 8. Капля любви 48
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Тейра Ри
Сказания Междукняжья. Раскайся

От автора

С возвращением в Междукняжье, странник!

Впереди тебя ждут новые испытания, встречи и открытия. А если за время разлуки с героями ты успел позабыть некоторые особенности этого мира, загляни в **глоссарий** в конце книги. Он поможет освежить память.

Доброй дороги!

Пролог

Молодой серый волк несся по ночному лесу со скоростью пущенной из лука стрелы. Мощные лапы будто не касались земли. Не мешали ему ни торчащие, кривые корни вековых деревьев, ни валежник, ни тонкие, хлесткие ветви низкорослых кустарников — лес благоволил зверю. Ветер свистел в ушах. Десятки запахов улавливал острый нюх, но никак не мог волк учуять главного и оттого начинал волноваться.

«Где же ты?» — гадал он мысленно, беспокойно озираясь по сторонам.

И наконец, когда уже начало казаться, что не найдет искомого, слева мелькнул смазанный серый силуэт. Волк мигом воспрянул духом, прибавил ходу и завыл. Услышав ответный вой, куда более мелодичный и нежный, оскалился, позабыв, что в зверином теле улыбнуться не выйдет.

Она возникла рядом внезапно — изящная серая волчица, шерсть которой завораживающе серебрилась в ночи, словно впитала в себя холодный свет звезд.

Теперь они бежали вдвоем, плечом к плечу, а лес по-прежнему не чинил им препятствий, охотно пуская в глубь чащи. Скоро остановились звери у звонкого ручья, на поверхности которого искрились пятна лунного света, пробивающегося сквозь густые кроны.

Волчица наступила передними лапами в воду и принялась жадно пить. Волк стоял рядом и наблюдал за ней с нескрываемой тоской.

— Ненастоящая ведь, — заговорил он человеческим голосом, кивая на воду.

Волчица оторвалась от ручья, села и слегка склонила голову набок. Ярко вспыхнули ее желтые глаза.

— Вестимо, ненастоящая, — облизнулась зверюга. — Но даже так она много вкуснее, чем та, которой меня потчуют в Житнице чар.

Волк сел напротив спутницы, и глаза его тоже загорелись желтым. Он нахмурился, верхняя губа дернулась, обнажив острые зубы, когда негромко зарычал.

— Долго еще сидеть там собралась? Уже четыре месяца минуло, а ты… — зверь прервался на середине фразы и покачал головой. — Из-за ублюдка ведь этого все терпишь? Не передумает он! — волк повысил голос. — Он предал тебя и глазом не моргнув, убил наших…

— Хватит. — Волчица запрокинула голову, силясь разглядеть звезды меж трепещущих на легком ветру листьев. — Он все еще нам нужен. И лучше, если пойдет со мной добровольно.

— Ты уже пыталась договориться с ним полюбовно, — прорычал волк, клацнув от досады зубищами. — А если…

— Как батюшка? — снова перебила его волчица.

Волк тяжело вздохнул, прекрасно зная, что спорить с ней бесполезно — только зря потратят драгоценное время, поэтому подавил гнев и ответил уже совершенно спокойно:

— Места себе не находит, но верит, что все завершится благополучно. Да и вещунья видит великое множество неопределенностей, кои могут сыграть нам на руку, ежели с умом к делу подойдем.

— А что остальные?

— Укрылись в надежном месте.

— Хорошо, — волчица перевела взгляд на воду. — Я позвала тебя неспроста. Межимир теряет терпение, а значит, скоро даст волю Баюну.

Волк напрягся и прижал уши. Шерсть на загривке вздыбилась, когти впились в землю, хвост заметался из стороны в сторону.

— Эта паскуда, котяра облезлый! — Глаза его засияли ярче, пространство вокруг задрожало, точно марево в пустыне, кривясь под натиском исходящих от него потоков чар. — Если когда-нибудь доберусь до него, то вырву сердце через глотку, а тушу скормлю воронам.

— И окажешь ему тем самым огромную услугу. Я бы даже сказала, что осчастливишь, — хмыкнула волчица. — Он мечтает умереть, но не может, — пояснила, заметив недоумение на морде собеседника.

— Ну-у-у, — протянул коварно волк, — тогда я сделаю все, чтобы он никогда не отправился на тот свет. Запру его в самом темном и жутком подземелье, а рядом посажу Умрановского выродка и зачарую на вечную жизнь. Буду наблюдать, как они чахнут и гниют заживо, не в силах оборвать свои мучения.

Волчица порывисто встала и приблизилась к волку почти вплотную. Во взоре ее читалось не просто неодобрение, а предостережение, которому не внял бы только умалишенный.

— Не смей даже заикаться о таком. Узнаю, что ты учинил нечто подобное, и лично тебя покараю.

— Но почему им дозволено держать тебя взаперти и истязать, а нам нет? — не остался в долгу волк и тоже грозно зыркнул на волчицу.

— Потому что мы Стражи, братец. Никогда, слышишь, — она ткнула его лапой в грудь, — никогда злоба и ненависть не должны затмить наш разум. Мы праведные судьи на службе у Великой Праматери — не мучители и не изверги. Мы либо даруем быструю смерть согрешившим, — волчица резко рубанула передней лапой воздух, — либо милуем и благословляем на долгую жизнь. И только.

Она вздернула морду, отчего стала казаться выше, и застыла, точно величественное изваяние, молвив назидательно:

— Наша цель — не отмщение, а восстановление порядка. И Баюн, и Берг — заблудшие души. Негоже гневаться на калечных, помнишь ведь? Их надо попытаться исцелить.

— Ты говоришь в точности, как она. Да только не шибко помогло нашей матушке ее милосердие, когда Берг твой снес ей голову.

Шерсть волка все еще стояла дыбом вдоль хребта, глаза полыхали, как два маленьких солнца. Лес вокруг начал таять, а на смену ему пришел густой туман, поглотивший все запахи и звуки ночной чащи.

— То была судьба неизменная, и милосердие тут ни при чем, — уже ласково ответила волчица, безошибочно улавливая, что не в поучениях нуждается волк, а в поддержке.

Она шагнула ближе и прижалась лбом к его лбу.

— Не терзайся, братец. Эта боль давно в прошлом. У нее не должно быть власти над твоим настоящим. Я не она и не сгину так просто.

Несколько ударов сердца звери стояли, не шевелясь. Злость медленно испарялась из мыслей волка, расслаблялось напряженное тело, потускнели глаза.

— Говоришь, как древняя бабулька, а ведь ты старше всего на два года, — наконец буркнул он и отстранился.

— Тебе пора. Передай отцу, что я люблю его и скучаю. И скажи, чтобы был наготове. Чую, осталось совсем немного.

— Об одном молю, — волк потерся носом о шею волчицы. — Не играй с единцем. Ни на миг не забывай, что он из рода Умрановых. Захочет убить тебя — ничто его не остановит.

— Берг никогда не навредит мне по-настоящему, — волчица тоже зарылась носом в густой мех волка, вдыхая родной аромат.

— Ты не можешь этого знать. Все нити в его судьбе переменчивы.

— Чувства много могущественней любой из магий, братишка.

Волк позволил себе едкий смешок.

— Сказала та, кого милый едва не заколол отравленным серебром.

— Себя он ранил гораздо сильнее.

Веяна вынырнула из иллюзии и распахнула глаза уже в усыпальнице под Житницей чар, но не смогла пошевелиться. Истерзанное ежедневными пытками тело не желало слушаться и нещадно болело. Однако на душе все равно было радостно. Недолго ей еще сидеть в этой клетке, да и встреча с братом, пусть и такая мимолетная, придала сил.

— Я все исправлю, — хрипло прошептала она, повернув голову к каменной чаше и саркофагам, в которых томились Праматерь и Ее сыны. — Обещаю.

Глава 1. Сила воли

год 547 от Дня усмирения сынов, последние дни осени

Минуло уже четыре месяца с битвы у Стародубок. Заканчивался месяц наяш. Зима постепенно вступала в свои права, прихватывая тонким льдом водоемы и присыпая землю первым снегом. Ночь давно сделалась длиннее дня, а солнце неделями не казалось из-за тяжелых туч, едва ли не скребущих подбрюшьями о макушки деревьев.

Бесновались Вехи.

Хаос и безнадега снова поглотили Междукняжье, которое едва оправилось от предыдущих атак черных вихрей. Больше никто не был в безопасности: ни простолюдины, ни князья, ни ведающие, ни иные.

Донесения сыпались на Дом Прозрения в Надмирном граде быстрее, чем чинцы успевали вскрывать послания и зачитывать их Отцу Зрящему и Старейшинам. Князьям приходилось и того хуже: крестьяне в панике бросали свои дома и толпами устремлялись в крупные города, будучи уверенными, что непременно найдут там спасение за надежными, освященными молитвами светочей и Слезами Праматери частоколами.

Одно утешало — в этот раз у людей было хоть какое-то понимание того, с чем именно они столкнулись. Еще летом некий особо смекалистый хранитель Житницы чар, изучая первые порушенные Вехами деревни и города, приметил, что те не трогают поселения, в которых свирепствуют какие-либо болезни, влекущие смерть людей или падеж скота.

После тщательного изучения этого феномена служители Житницы пришли к выводу, что Вех отталкивает обилие свежих захоронений. Эти существа, если можно было их так назвать, отнимали время у всего живого, будь то человек, зверь или растение. Но что взять с тех, кто уже при смерти? Временем людей, чьи дни в Яви сочтены, не насытишься. Вот и обходили черные вихри стороной места, где костлявая разгулялась и без них.

А далее хранители придумали, как использовать это знание для защиты от жуткой напасти. Житница чар посоветовала Вящему Совету издать указ, согласно которому городские стены с внешней стороны надлежало завешивать трупами животных. В маленьких деревушках туши убитых зверей раскладывали за околицей.

На время это помогло. Вехи стали нападать реже. Однако глупо было верить, будто выйдет защищаться таким способом вечно. Рано или поздно на головы людей свалятся другие напасти: жидкости из разлагающихся туш непременно загрязнят почву и воду, а дальше — кишечные и кожные болезни, лихорадки, нашествие падальщиков…

Нужно было найти иное решение проблемы.

Все, кто ведал истину о богах и Первотени, сошлись в одном: где-то блуждает по свету еще одна частичка Праматери. Ибо не может тень появиться, коли некому ее отбросить. И, судя по тому, что Первотень до сих пор не пробудилась окончательно, частичка эта такая же крошечная, как и изъятая из Веяны. А значит, отыскать ее практически невозможно, и это ввергало всех в еще большее уныние. Воочию узреть, что станется с миром, коль Первотень восстанет ото сна и войдет в полную силу, не хотелось никому.

***

Тяжелые думы одолевали нынче Межимира. Нигде не мог найти он покоя. Не с кем было разделить ему свои тревоги и божественную ношу, давящую на плечи с каждым днем все сильнее. Оттого верно и решил он спуститься в усыпальницу посреди ночи.

Войдя в подземелье, Межимир принял свое истинное обличие. И теперь безбородый молодой человек с собранными в небрежный узел на макушке светло-русыми волосами стоял и взирал на спящую в клетке ведьму, которая лежала на соломенном тюфяке в одной только потрепанной нижней рубахе, сплошь покрытой подсохшей кровью.

Тихонько потрескивали факелы на стенах, безмолвными истуканами несли свою стражу гонители, охраняющие усыпальницу. Трепыхалось в каменной чаше золотое облако, некогда бывшее самой Праматерью. Силилось оно вырваться из плена, пыталось дотянуться до саркофагов, в которых покоились двенадцать младших богов — все тщетно. Сыны Праматери спали мертвым сном. Мать свою они не слышали и не чувствовали.

Межимир оторвался от созерцания клетки с ведьмой и прошелся вдоль саркофагов, стоящих в ряд, ведя пальцами по крышкам.

Долго ли еще братья будут покорно спать? Сколько еще ведающих придется сгубить, чтобы запечатать их на веки вечные и больше не страшиться их пробуждения?

Межимир шумно вздохнул, глядя на покрытый инеем угол саркофага Янвада. Что ж, старший из братьев всегда был чертовски силен и не переставал бороться ни на миг. А еще Маюш — Межимир сорвал с крышки его саркофага тонкую травинку. Пусть и нежен весенний братец, точно девица, и добр, да только обманываться на его счет не стоит даже теперь, когда он надежно заперт. И, конечно, Август. Этого брата Межимир ненавидел до глубины души. Мощь его огненного дыхания воистину ужасала. В прошлом именно из-за него все планы Межимира едва не пошли прахом. Не хотелось даже вспоминать, чего стоила победа над ним.

Межимир скривился, будто от зубной боли, и поспешил прогнать поганые воспоминания. Вернулся к клетке с ведьмой, все еще толком не понимая, зачем вообще спустился сюда и для чего разглядывает девицу так внимательно.

Одно было несомненно — Веяна поражала Межимира до глубины души. Едва ль допрежь встречал он в своей долгой жизни человека, обладающего такой несгибаемой силой воли. Все чаще Межимир ловил себя на мысли, что понимает Берга, ледяное сердце которого оживало рядом с Веяной и отказывалось повиноваться разуму. Поначалу бог только посмеивался над своим любимчиком и все дивился, с каким неотступным упрямством нет-нет, да бухнется Берг на колени, опустит голову, потупит смиренно взгляд и примется просить о снисхождении для Веяны. Отдай, мол, мне ее, святейший, смилостивись, не губи девчонку, не лишай воли, всем, что дорого, клянусь, удержу ее подле себя и пойти супротив тебя больше никогда не дам.

Токмо более не забавляли Межимира мольбы Берга, ибо и сам начал смотреть на ведьму по-иному. Ни человек, ни нелюдь. Насмешка судьбы. Случайность, затесавшаяся меж нитями неизменными и переменчивыми, порожденная людскими страхами, алчностью, смекалкой и одновременно глупостью. Нечто совершенно неопределенное и оттого невероятно прекрасное. Ей с утробы навязали роль, которую должно исполнять, а она приняла ту ношу и не собиралась сгибаться под ее тяжестью.

Межимир опять тяжело вздохнул, прикрыв глаза и потерев переносицу.

Веяна пошевелилась. Нынче выглядела она совсем неважно. Вот уже не первую неделю по приказу Межимира допрашивали ее гонители всеми известными им способами. Отец Зрящий не сомневался: ве́домо Веяне, кто еще носит в себе частицу Праматери и коим образом ее заполучил. Да как разговорить ведьму, не знал никто.

Межимир и его верные псы перепробовали все, что только можно было. Уж как не изощрялись, а все одно — Веяна молчала. Давно на ней места живого не осталось. Могучие и славные мужи и те ломались от такого, а она терпела. Смотрела на мучителей своими желтыми глазищами, и только губы изгибались в сострадательной улыбке, будто это не ее, а гонителей истязали безжалостно. Даже магия самого Межимира, от которой в прошлом выли не своими голосами и молили о пощаде его божественные братья, не развязала ей язык.

— Страшно тебе? — хрипло и едва слышно донеслось из клетки.

Межимир аж вздрогнул — никак не ожидал он, что придет Веяна в сознание и сможет говорить, — но выражение лица сумел сохранить скучающе-безразличное.

— Тебя мне, что ли, бояться надо, ведьма?

Он подошел ближе и оперся на поперечную перекладину между прутьями, небрежно свесив запястья внутрь клетки.

— Меня-то тебе чего бояться?

Веяна со стоном и кряхтением перевернулась со спины на бок. Сделав глубокий вдох, приподнялась на закованных в кандалы руках и умудрилась сесть. С явно огромным трудом откинула она с лица спутанные и слипшиеся от крови, пота и грязи волосы. Ведьма привалилась спиной к стенке клетки, с очередным стоном вытянула иссеченные порезами и покрытые черными синяками ноги, уставилась на Межимира с любопытством.

— Тогда кого мне, по-твоему, надобно страшиться? — спросил бог, дождавшись, пока Веяна усядется.

— Прям так и некого?

По всей видимости, ведьма не собиралась прерывать обмен вопросами.

Межимир отступил от клетки, провел рукой над замком, навешенным на дверь, и тот упал на пол с оглушительным для здешней тишины грохотом. Дверь с тихим скрипом отворилась, хотя бог и пальцем ее не коснулся. Межимир встал в проходе, прислонившись плечом к решетке. Взгляд его серых, почти бесцветных и до жути холодных глаз блуждал по телу Веяны, пока не остановился на сковывающем чары ошейнике, который с нее не снимали ни на миг.

— Отчего не жаль тебе невинных жителей, коих Вехи пожирают ежедневно? — Бог решил увести разговор в другое русло, не желая толковать о собственных тревогах и кошмарах с пленницей.

Веяна на миг прикрыла глаза, пошатнулась, но смогла сохранить равновесие и вновь посмотрела на Межимира.

— Едва ли псы твои меньше душ сгубили.

— Не ровняй несравнимое.

Межимир скрестил руки на груди, и взгляд его сделался еще холоднее, еще свирепее. Воздух в усыпальнице стал тяжелее. Чары бога будто уплотнили само пространство, отчего Веяне, которая и без того дышала с присвистом и морщилась от боли в переломанных ребрах, сделалось еще хуже. Что, впрочем, ее совсем не напугало.

— Ты глупец, могущий прервать этот кошмар в мановение ока, но не желающий столкнуться с Материнским гневом и принять заслуженное наказание.

— Захлопни пасть, — Межимир угрожающе шагнул вперед и навис над Веяной, злясь, что она вновь свела их разговор к его слабостям.

Он глядел на нее сверху вниз, и во взгляде том не читалось ничего человеческого.

— Не хотел бы говорить со мной, не пришел бы сюда.

Веяна не смогла запрокинуть голову и поэтому смотрела на свои покрытые струпьями руки с вырванными ногтями. Суставы на пальцах, которые уже не единожды выворачивали, а потом наспех залечивали, распухли. Кабы не оборотничья суть, пусть и сдерживаемая зачарованным ошейником, Веяна уж давно скончалась бы от нанесенных ран, сколько бы лекари Житницы над ней ни хлопотали.

Межимир резко развернулся и воззрился на чашу с золотым облаком и саркофаги.

— Ты Ее сын, — снова заговорила Веяна. — Сколько бы ни проказничал — Она простит. А коль и накажет, то разве ж есть наказание, которое не по силам вынести сильнейшему из Ее сынов?

— Проказы? — Межимир развернулся обратно к ведьме и глухо рассмеялся. — По-твоему, мои дела в глазах Матери всего-навсего проказы?

— А как иначе? Что горе и бедствие для рода людского, то для вас, богов, разве не всего лишь миг в ваших бесконечных жизнях, который забудется так же скоро, как стирается из памяти дурной сон?

Межимир долго молчал и, не моргая, смотрел на Веяну, а потом неожиданно присел на корточки и подался вперед.

— Скажи мне, ведьма, отчего речи твои не по годам мудры? Отчего знания твои о мире столь обширны? Быть может, не та ты, за кого себя выдаешь?

Веяна широко улыбнулась, и от этого движения губ ранки на них полопались и закровили.

— Женщины завсегда взрослеют и умнеют раньше мужчин. — Веяна громыхнула кандалами, попытавшись всплеснуть дрожащими руками. — Кто-то же должен за всем присматривать. Ведь вы, мужчины, даже прожив века, все продолжаете дурью маяться.

Второй раз за ночь Межимир разразился смехом.

— Это ты-то, соплячка, за мной присматривать собралась? В кандалах да из клетки? Видать, мало я тебя пороть велел.

***

Она не оставила ему выбора. И это бесило настолько, что во гневе Межимир доходил до исступления. Как? Как он, великий бог Нави, Яви и Прави, сам Отец Зрящий и влиятельнейшая особа Междукняжья, оказался загнан в угол какой-то малолетней пигалицей, едва разменявшей двадцать первую зиму?

Мог бы убить, убил бы, и дело с концом. Но как тут убить, коль никто, окромя нее, не владеет нужными Межимиру сведениями? И вот на кой черт он велел своим псам казнить без промедления всех, кто хоть как-то был связан с Веяной и Мирославой Никитичной?

Гордыня, гордыня подвела его! Слишком рано уверовал в победу и теперь вынужден мириться с последствиями.

Межимир помассировал ноющие виски. Он сидел в своем рабочем кабинете в Доме Прозрения в обитом алым бархатом кресле под личиной Отца Зрящего. Дубовый стол его, за которым с легкостью могло бы разместиться человек десять, был завален пергаментами, бумагами, записями на бересте, а меж ними затесалась даже пара глиняных табличек и потрепанная карта Междукняжья. Слева над камином висела картина, на которой развеселые парни и девки водили хоровод вокруг сжигаемой на костре ведьмы. Лавки вдоль стен были накрыты медвежьими шкурами. Имелся тут и огромный сундук, а на широком подоконнике примостились серебряные кувшины с вином и водой, кубки и блюдо с фруктами. Еще пара кресел, поскромнее, стояла напротив стола и предназначалась для посетителей.

Отец Зрящий закончил растирать виски, огладил длинную светлую бороду и снова перевел взгляд на лист бумаги, исписанный аккуратным крупным почерком. То было заклинание. Древнее, запретное и безумно сложное. Заклинание, которое Межимир собирался вручить Баюну.

Знамо дело, презренный кошак прогневал Межимира пуще Мирославы и недоноска Велимира, но чего у Баюна было не отнять — так это таланта к колдовству. Порой чудилось, что у парня по венам вовсе не кровь бежит, а чистые чары. В прошлом все Собиратели были сильны, однако рядом с Баюшкой никто из них и близко не стоял.

Межимир всегда считал большой удачей, что удалось заполучить его в союзники, еще и клятвой связать. Иногда бог даже испытывал к парню нечто сродни привязанности, хотя куда чаще хотелось всыпать сумасброду плетей, что, собственно, в последние месяцы Межимир и делал с завидным постоянством. Простить поганца за попытку избавиться от клятвы и свести счеты с жизнью бог пока был не готов, однако и казнить Баюна не собирался: его армия

блуждаков могла понадобиться в любой момент. Вот и оставалось вымещать обиду за предательство, наказывая Баюшку телесно. Авось удастся со временем всю дурь из него выбить, а то избаловался шибко.

Межимир усмехнулся и еще раз пробежал глазами по написанному. Довольно покивав, он откинулся на спинку кресла. Если Баюшка справится, то все мысли Веяны будут наконец у Межимира как на ладони. Жаль, конечно, что дошло до такого: ведьма богу правда нравилась, и по-своему он ее уважал. Хотелось бы оставить Веяну в живых, хотя бы ради поддержания с ее помощью заклинания оков на саркофагах, но тут уж ничего не попишешь.

— Интересно, — подался вперед Межимир, сплетая пальцы в замок под подбородком, — как отреагирует Берг?

Глава 2. Как же так?

Берг со своим отрядом вернулся в Надмирный град на рассвете и тут же был перехвачен одним из чинцов, который сообщил, что Отец Зрящий немедленно требует его к себе. Единец наспех умылся, быстро натянул кожаные черные штаны поверх льняных портов, темно-серую полотняную рубаху, на нее серый стеганый кафтан и плащ с капюшоном, подбитый плотным мехом: погодка нынче теплом не баловала, и ледяной ветер с дождем и снегом пробирал до костей за считаные мгновения. Закрепив на поясе меч, кинжал, сосуд со Слезами Праматери и подвеску гонителя, Берг поспешил к Межимиру. Уже выйдя из дому, пожалел, что не прихватил перчатки.

Пока Берг шел, все гадал, зачем понадобился Отцу Зрящему, и раздумьями этими старался заглушить одолевавшие его горестные мысли.

Единцы больше не несли службу в одиночку. Каждому из них выдали в подчинение по десять рядовых гонителей и отправили уничтожать Вехи, основываясь на опыте Берга в сражении с вихрем при Стародубках. Впредь гонителям дозволялось не прятать свою звериную сущность. Наоборот, всячески приветствовалось развитие оборотничьих способностей, раз только в облике зверя было возможно пробиться к основам Вех и уничтожить их.

Впервые со дня основания Сторожного монастыря гонители без конца упражнялись в овладении звериной натурой. Отныне кто только не встречался в обители Братства: медведи, волки, лисы, кабаны, росомахи, рыси, ирбисы и даже тигры.

Отчасти такой подход помогал. В боях с Вехами гонители гибли все реже. Да вот незадача — на каждый с огромным трудом уничтоженный вихрь являлись два, а то и три новых. В последнем бою Берг потерял двух братьев из вверенного ему отряда, трое получили серьезные ранения.

«Надо бы навестить их семьи, — думал единец, сворачивая в очередной узкий переулок, чтобы сократить путь до Дома Прозрения. — Принести извинения за то, что не сберег».

На место Берг добрался быстро и сразу поднялся на второй этаж величественного каменного здания, не уступающего по красоте иноземным дворцам в южных королевствах. Перед двустворчатой дверью, ведущей в личный кабинет Отца Зрящего, остановился. Стражи, дежурящие по обе стороны от входа, почтительно поприветствовали единца.

Со створок на Берга взирали два огромных широко распахнутых позолоченных глаза, от которых расходились солнечные лучи. Вопреки принятой в Церкви традиции изображать глаза закрытыми и всегда обмотанными цепью, свои покои, как рабочие, так и личные, Отец Зрящий отчего-то украсил открытыми очами.

Берг снял плащ, перекинул его через руку и осенил себя знамением Безокой. Поклонился сначала одному глазу, потом второму и только затем постучал. Одна из створок тут же медленно приоткрылась. К тому, что Межимир в отсутствие лишних свидетелей даже самые простые действия совершал с помощью магии, Берг успел привыкнуть и ничему не удивлялся.

Отец Зрящий в облике холеного длиннобородого и длинноволосого мужчины неопределенного возраста, в котором всегда представал перед Вящим Советом, сидел в громоздком, глубоком кресле за письменным столом и корпел над какими-то бумагами. Межимир не прервал своего занятия при появлении Берга, а приветствие и вовсе пропустил мимо ушей.

— Сядь. — Он указал Бергу на кресло для посетителей.

Единец повиновался. Повесив плащ на спинку, сел, и время будто застыло. Межимир, погруженный в работу, не спешил начинать разговор. Берг не смел заговорить первым, памятуя о прескверном характере божества. От скуки единец стал разглядывать убранство комнаты. Не единожды доводилось ему здесь бывать, но каждый раз взор подмечал что-нибудь новое.

Сегодня внимание Берга привлекла картина над камином. Ранее там красовалась панорама Надмирного града, но теперь Бергу пришлось смотреть на сжигаемую на костре ведьму, вокруг которой плясали девки и парни. Невольно вспомнилась мать. Берг нервно сглотнул и поспешил отвести взгляд. Хоть Межимир и казался сосредоточенным лишь на бумагах, уголок его рта дрогнул в усмешке.

— Не нравится? — наконец нарушил он тишину.

— Главное, чтобы его святейшеству нравилось.

Берг малость ослабил высокий ворот рубахи и расстегнул кафтан, ибо уже начал изнывать от жары. Топили в кабинете Отца Зрящего на славу: никакая непогода не страшна, даром что под стенами Надмирного града беженцы из разрушенных поселений коченели от холода, ютясь в наспех сколоченных из всякого хлама лачугах, а то и вовсе в тканевых хлипких шатрах.

— Верно, — хмыкнул Межимир, капая на только что дописанное и аккуратно свернутое письмо сургуч и оставляя на нем оттиск своего перстня все с тем же распахнутым глазом. — Мне нравится.

Межимир отложил послание на край стола и посмотрел на Берга так, что стало предельно ясно: по душе ему была вовсе не картина, а реакция единца на нее.

Берг, в свою очередь, тоже кое-что подметил: Отец Зрящий выглядел уставшим как никогда. В последние месяцы он тратил невероятное количество сил на поддержание защиты вокруг Надмирного града. Межимир как-то вскользь упомянул, будто существует вероятность, что уцелевшие союзники Веяны все еще могут претворить в жизнь ее план — приманить к городу Вех, проникнуть в суматохе в Житницу чар и освободить Праматерь, и это его тревожит. А ведь бог умудрялся еще и гонителей прикрывать, когда те отправлялись защищать жителей Междукняжья, — делился силой, чтобы увеличить их шансы на победу над Вехами, хотя большинство гонителей правды о богах по-прежнему не знало.

Однако даже при таком колоссальном расходе чар Отец Зрящий непрестанно поддерживал поддельную личину и истинное свое обличье, которое Бергу удалось узреть в Стародубках, не казал боле никому, либо единец о том просто не ведал. Вдруг стало любопытно, много ли чар уходит у Межимира на такой вот постоянный морок?

— Совсем немного, — неожиданно ответил Отец Зрящий, откидываясь в кресле и разминая руками затекшую шею.

Берг невольно нахмурился. Смириться с тем фактом, что при желании бог с легкостью проникает в мысли оборотней, он до сих пор не мог. И хотя способы защититься от такого воздействия имелись, прибегать к ним было опасно. Межимир и без того отличался излишней подозрительностью и вспыльчивостью, а после предательства Баюна и вовсе стал видеть заговорщиков в каждом встречном.

Если Межимир и заметил мимолетное недовольство Берга, то великодушно это проигнорировал, ведь единец сделался любимчиком бога, и многое теперь ему прощалось, хоть от издевок и не уберегало.

— Ведьма, — снова заговорил Межимир, поднимаясь из-за стола и подходя к окну, в которое барабанил дождь со снегом, — по-прежнему молчит.

Единец напрягся. Речь, естественно, шла о Веяне — прочие ведающие Межимира в последние недели не волновали.

— Боюсь, тут я ничем не могу помочь его святейшеству. — Берг очень старался придать голосу и выражению лица равнодушия, которого не ощущал и в помине.

Начало разговора единцу совсем не нравилось. Не отправит же его Межимир лично пытать Веяну, зная, что она ему далеко не безразлична? Не мог же бог позабыть, как Берг отчаянно молил пощадить ведьму?

— В этом ты прав. — Отец Зрящий медленно повернулся к Бергу: видимо, насладиться видом величественного града сквозь плотную пелену дождя не вышло. — Если ее не разгово-

рили опытнейшие дознаватели, то едва ли от тебя будет толк. — Он выдержал напряженную паузу, прищурился и ехидно ухмыльнулся, смерив единца таким уничижающим взглядом, что тому сквозь землю провалиться захотелось и больше никогда здесь не появляться. — Ты не то что пытать, даже просто обругать ее как следует не сможешь.

Берг колкость проглотил. Межимир не впервые потешался над ним из-за влюбленности в Веяну, но отказываться от своих чувств к ведьме Берг не собирался. Все еще верил, что найдет способ вызволить ее из плена и перетянуть на свою сторону. Слишком глубоко она пробралась к нему в сердце и прочно там обосновалась. Да и кто бы в здравом уме вообще пожелал отказаться от женщины, подобных которой нет на всем белом свете? Ее ум, доброта, красота и самоотверженность восхищали.

Даже в цепях, истекающая кровью под пытками и почти теряющая сознание от боли, она была невероятна. Невероятна настолько, что порой, когда Берг заставлял себя заглянуть на допрос, он замечал уважение и жалость в глазах других гонителей. Все чаще псы Совета медлили, прежде чем взяться за очередной инструмент в пыточной, все чаще выполняли свою работу в полсилы.

— Тогда зачем его святейшество меня вызвал? — Берг отогнал от себя образы истерзанной Веяны, но запоздал: тошнота уже подобралась к горлу, кровь зашумела в висках, а в груди зародился гнев.

Видит Праматерь, не такой участи он ей желал, не так все представлял, когда вонзал в ее тело отравленную подвеску.

Межимир не спешил с ответом, еще раз бросил взгляд в окно, а затем взял с подоконника кувшин и плеснул себе вина в золотой кубок, инкрустированный самоцветами. Когда сделал пару неторопливых глотков и соизволил продолжить разговор, в голосе его снова слышалась насмешка.

— Ну и знатно же девка тебе мозги запудрила.

Берг стиснул зубы, медленно выдохнул и чуть склонил голову, уставившись в пол. Не хватало еще, чтобы вездесущий бог не только в разуме, но и в глазах прочел все то, что единец думает касательно чтения чужих мыслей. Переборов дикое желание немедля защитить сознание от чужеродного вторжения, Берг сдержанно ответил:

— Это никак не влияет на мою преданность его святейшеству и Вящему Совету.

— Знаю, — жутко улыбнулся Межимир, отпив еще вина и прикрыв глаза от удовольствия. — Иначе ты отправился бы на костер вместе со своей матушкой.

Сегодня у Отца Зрящего явно было настроение поглумиться над Бергом. Видать, кто-то уже успел как следует взбесить его с утра пораньше. Межимир часто так делал, когда гневался: в общении с подчиненными намеренно старался уколоть побольнее и разбередить все душевные раны. Заодно прощупывал таким образом пределы их терпения и покорности. Бергу в этих играх не было равных. Он всегда проводил четкую границу между чувствами и долгом. Так было с Мирославой Никитичной, так было с приказом казнить Боруна, Ефима и Чистовода, к которым успел проникнуться симпатией, так было и есть с Веяной.

Да, Берг влюбился в ведьму и уже смирился с тем, что не в силах вытравить эти чувства из сердца. Но и Междукняжье он любил тоже, как и всех членов Братства гонителей. И последние гибли ежедневно в неравных боях с Вехами. Берг выбрал Междукняжье той ночью у озера, остался верен своему выбору и ныне. Пока ситуация не разрешится, Веяна — враг, которого надо заставить говорить любой ценой. Она — единственный шанс остановить весь этот кошмар и защитить жителей княжеств.

«Счастье двух людей не стоит мук сотен тысяч». Эти слова, словно заклинание, день за днем твердил себе Берг. Даже сидя в усыпальнице над пребывающей в забытьи Веяной, он и на миг не позволял себе думать иначе. Не то давно бы сгреб ведьму в охапку и попытался бы вывести ее из Надмирного града.

А Межимир меж тем отставил кубок и приблизился к Бергу, по-прежнему сидящему в кресле. Заложив руки за спину, бог вдруг изобразил нечто сродни ласковой улыбке и теплой привязанности во взгляде. Это, признаться, пугало пуще любых бесчеловечных взоров.

— Глядя на тебя, все равно что в прошлое возвращаюсь, — выдал Межимир ни с того ни с сего.

Мимолетная тень неизбывной тоски скользнула по лицу бога, но исчезла так же скоро, как и появилась. Берг даже решил, что ему почудилось: не умеет Межимир чувствовать так «по-человечески».

— Ты до жути похож на Умрана, — тем временем продолжил Межимир и резко схватил Берга за лицо одной рукой, вперившись в него застывшим взглядом и улыбаясь все так же неестественно ласково. — Вот уж не думал, что спустя столетия встречу живое воплощение друга дорогого. Радуешь старика, единец.

Межимир отпустил Берга, похлопал по щеке и добавил:

— Не меняйся, и мое благословение всегда будет с тобой.

— Благодарю его святейшество за заботу.

Берга едва заметно передернуло, внутренности болезненно заныли, будто их кто перемешал и узлами закрутил. Магия у Межимира была поистине чудовищной и неодолимой. При Берге он ее почти не скрывал, и она давила со всех сторон, накатывала то волнами опаляющего жара, то лютого мороза. А касания бога и вовсе были настоящей пыткой. Благо Межимира нечасто тянуло дотрагиваться до Берга. Но сегодня даже такого мимолетного контакта хватило, чтобы единец ощутил себя цыпленком, которого переехала груженая телега. Хотелось поскорее закончить странный разговор и уйти.

Будто почуяв нетерпение и недомогание Берга, Межимир наконец сжалился и перешел к сути.

— Я решил привлечь к допросам ведьмы Баюшку.

Сердце Берга подпрыгнуло чуть ли не к горлу, волоски на шее и руках встали дыбом.

— У каждой силы есть свои ограничения, которые никак не обойти, — нехотя пустился Межимир в объяснения, попутно вернулся за стол и вальяжно развалился в кресле. — Не избежали этого и боги. Моя матушка Праматерь намеренно сделала так, чтобы никто и никогда не смог превзойти Ее в могуществе. — Межимир досадливо тряхнул головой и цокнул языком. — Именно поэтому, умея читать разум оборотней и простых смертных, я не в силах пробиться в умы ведающих и иных.

От сего факта бога явно коробило, ибо глаза его блеснули каким-то бесовским огнем. Он начал постукивать указательным пальцем по подлокотнику, продолжив говорить:

— Баюшка же способен улавливать текущие мысли всех без исключения живых существ.

Межимир подался вперед и взял со стола сверток, обернутый красной шелковой тесемкой с кисточками на концах. Потряс им в воздухе, демонстрируя Бергу.

— Я нашел и доработал древнее, запретное заклятие, которое не только усилит эту его способность, но и поможет Баюну всецело поработить чужой разум.

Он принялся постукивать свитком по раскрытой ладони свободной руки. Берг смотрел на чертов свиток, точно завороженный, и ждал дальнейших объяснений. Те не заставили себя долго ждать.

— Баюшка завладеет всеми воспоминаниями того, над кем он будет колдовать. Правда, — Межимир нахмурился и недовольно поджал губы, — есть один неприятный момент. — Он положил свиток и уперся подбородком в сцепленные в замок пальцы. — Тот, к кому применят заклятие, либо скончается в адских муках, либо выживет, но навсегда останется немощным безумцем.

Берг вскочил на ноги быстрее, чем успел осознать свои действия и до конца осмыслить услышанное. Открыл было рот, чтобы сказать хоть что-то, но слова застряли комом в глотке.

Все события последних месяцев отчего-то показались дурным сном, и Берг вдруг явственно ощутил, что хочет проснуться и вновь оказаться в уютной избе на пригорке и слушать, как дразнится Яшик, ворчит Борун, хохочет Лутар и хлопочет у печи Веяна. Но вместо этого он стоял тут. Глупое сердце заполошно колотилось в груди, а разум отказывался верить в слова Межимира. Благо бог был слишком увлечен объяснением да собственными думами и не лез больше в мысли Берга.

— Так вот, — вновь заговорил Межимир, потирая глаза и устало вздыхая, — от тебя требуется следить за Баюном, пока он будет колдовать. Неизвестно, что может выкинуть этот полоумный, если снять с него ошейник.

Межимир встал, опершись о стол. Брови его чуть изогнулись в удивлении: видимо, только теперь заметил, что Берг на ногах и смотрит волком. Бог по своему обыкновению надменно ухмыльнулся, но в голову единца не полез и спрашивать, почему тот с места подорвался, тоже не стал. Да и что спрашивать, наверняка у Берга все на лице написано.

— Позже я дам тебе оружие, способное его усмирить, — указал Межимир на стоящий у стены, окованный железом сундук аж с тремя навесными замками, по поверхности которого тянулись цепочки начертанных чем-то багровым рун. — Начнет чудить — используй оружие без раздумий, пока Баюн не разбушевался. Твоей силы и скорости должно хватить.

Бергу очень захотелось узнать, отчего Межимир сам не будет присутствовать на допросе. Как ни крути, против бога у Баюна ни шанса, а вот Берга он вполне может одолеть. Но по опыту единец уже знал: лишних вопросов лучше не задавать и тем более не стоит и пытаться угадать ход мыслей Отца Зрящего. Поэтому Берг привычно взял под контроль растрепанные чувства, вернул себе ледяное спокойствие и поклонился в пояс.

— Как прикажет его святейшество.

Межимир довольно хмыкнул и махнул рукой на дверь.

— Теперь ступай. Подробности обсудим, когда я переговорю с Баюном и обучу его нужному заклятию.

На этих словах Межимира дверь в кабинет отворилась, и явился сам некромант. Поравнявшись, Берг с Баюном обменялись короткими кивками, умудрившись даже в столь незначительных жестах продемонстрировать глубокую взаимную неприязнь.

Как вышел из Дома Прозрения и добрался до родительской усадьбы, Берг не помнил. Но уже будучи в своей опочивальне, дал волю гневу, изрубив мечом в щепки всю имеющуюся здесь мебель. Впервые Берг изменил себе и добровольно отдался во власть чувств, которые ранее так умело скрыл от Межимира. Впервые он буйствовал от бессилия.

К черту! Пусть, пусть эти треклятые чувства выплеснутся наружу и навсегда исчезнут, оставив его истерзанную душу в покое! Пусть исчезнет сраный Межимир, Баюн, а вместе с ними и Веяна — эта бестия, лишившая его всякого покоя!

Да какого хрена ему так страшно даже представить, что ее скоро не станет?

Какого, мать вашу, хрена?!

Глава 3. Изба с секретами

Тишину морозной ночи нарушил строгий окрик:

— А ну подь сюды, дуралей клыкастый.

Миловидная бойкая старушка в белой рубахе и поневе поправила съехавший от быстрой ходьбы платок и прищурилась, вглядываясь во тьму леса, начинавшегося сразу за небольшим огородиком, который примостился позади ее избы. В одной руке она держала кинжал гонителя с серебряным обкладом, в другой — недавно зарубленную курицу без головы. С птичьей туши на землю капала кровь.

— Подь сюды, тебе сказано, стервец, — уже куда суровее повторила она, вскидывая руку с курицей и потрясая тушкой так, будто пса голодного приманить хотела.

В кустах перед ней что-то шевельнулось. Нечто поднялось с земли и вытянулось в полный рост под дубом. Человек потрусливее наверняка уже улепетывал бы отсюда, сверкая пятками, но старушка только сочувственно вздохнула. Широкоплечая мужская фигура ростом почитай в три аршина, рычащая не хуже дикого зверя, ее не просто не пугала — именно это чудо она пыталась заставить выйти на свет, которым полная луна щедро одаривала землю.

Фигура не двигалась, продолжая утробно рычать. Морозец начинал кусаться. Все-таки бегать по двору без душегреи в конце месяца наяша не стоило даже молодым, а старушкам и подавно. Хотя именно эта бабуля легко могла перещеголять крепостью здоровья княжьих дружинников. И все же мороз неприятно щипал щеки и озябшие пальцы, крепко сжимающие кинжал и птичью тушу. От капающей на пушистый, тонкий слой снега куриной крови шел пар, наполняя воздух запахом железа.

— Ну что остолбенел, горемычный? — снова заговорила старушка. — Велела же ко мне идтить.

Фигура яростно замотала головой.

— От ведь, дубина.

Старушка с очередным тяжелым вздохом бросила курицу под ноги, на одной руке закатала рукав рубахи по локоть и быстрым, четким движением резанула себя кинжалом повыше запястья.

— Н-н-нет, — простонала фигура мужским, измученным голосом и отступила на полшага.

— Мама! — раздался вдруг женский крик со стороны избы. — Ты что творишь? Не смей!

К старушке со всех ног, поскальзываясь босыми ступнями на мерзлой земле, в одной ночной рубахе да наспех накинутом на плечи шерстяном платке бежала озерецкая лекарка Лукерья. Волосы растрепались и спутались ото сна, горячее, сбившееся дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

— Етить вас всех налево, — в сердцах ругнулась старушка. — Что ж вы у меня все полудурошные такие? Куда тя черт несет, бестолковая? Вернись в избу. Спугнешь ведь клыкастого. Где мы его потом искать будем?

— Не уйду, — отрезала Лукерья, поравнявшись с матерью и встав подле нее. — Вдвоем упыря сподручнее ловить. Я вон и Слезы прихватила, — продемонстрировала она небольшой бутылек, в который были налиты Слезы Безокой Праматери.

Фигура тем временем отступила еще глубже в заросли. Она явно колебалась между манящим запахом человечьей крови и желанием оказаться подальше от людей. Старушка все это прекрасно понимала и осознавала, как сильно рискует, пустившись в погоню в одиночку, но поступить иначе не могла. Негоже ей, лекарке, бросать тех, кто в помощи нуждается и о ком она дала слово заботиться.

— Тихо стой, — буркнула старушка, даже не взглянув на Лукерью. — Боязно ему, мысли, видать, снова спутались. Не вмешивайся, пока не разрешу.

Лукерья покивала, стуча зубами от холода и страха, и на всякий случай откупорила пузырек со Слезами Праматери.

Старушка сделала осторожный шаг вперед, вытянув порезанную руку так, чтобы существо в зарослях видело ее лучше. Хотя с его-то нечеловеческим зрением оно едва ли что из виду даже в кромешной тьме упустит.

— Долго топтаться там будешь, клыкастенький? — заговорила старушка ласково-преласково, приблизившись к фигуре еще немного. — Будет тебе. Чего разволновался? Приснилось что дурное? Так иди сюда, я пошепчу и все сны плохие отгоню. А коль голодный, то вот, — она покрутила раненой рукой из стороны в сторону. — Я поделюсь, мне не жалко, ты же знаешь.

Существо перестало пятиться и склонило голову набок, шумно принюхалось.

— Неужто не узнаешь меня, милок? — старушка остановилась в паре аршинов от зарослей. — Это же я, Лутарушка, баба Горли́на. Иди сюды. Вернемся в избу. Я тебе вон, — кивнула она через плечо на брошенную курицу, — курочку сготовлю. С лучком, как ты любишь.

Существо мотнуло головой, точно морок какой от себя отогнать пыталось, и нерешительно двинулось навстречу бабке Горлине. И вскоре на открытое, хорошо освещенное луной пространство вышел молодой человек. Высокий, широкоплечий, в одних только портах, с вихрастыми светлыми волосами и короткой бородой. Под глазами его, на висках и шее проступили черные сосуды, почернели вены на запястьях. Белок глаз тоже стал практически целиком черным. Верхняя губа его подрагивала, как у скалящегося хищника, обнажая удлинившиеся клыки.

— Вот так, умничка ты мой, Лутарушка, — продолжила уговаривать старушка. — Иди ко мне, дай бабушке руку.

Полубезумный взгляд Лутара будто прирос к кровоточащей ране. Он дернулся было вперед, потом шагнул назад, снова подался в сторону бабы Горлины, но тут же опять отпрянул.

— Я знаю, ты меня не обидишь, клыкастенький. Подходи, не бойся, — старушка и не думала сдаваться, решив во что бы то ни стало вернуть упыря домой. — Лутар, — погрозила она пальцем, — не заставляй меня бранить тебя.

На мгновение упырь застыл, еще раз принюхался, облизнулся и вдруг резко сорвался с места. Завизжала Лукерья. Лутар преодолел расстояние между ним и старушкой в один прыжок, но не смог до нее дотянуться, потому что со спины на него наскочило нечто лохматое, небольшое и безумно злое.

— Вот ведь псина безмозглая! — завопил лохматый детским голосом, обвивая цепкими ручонками с острыми черными коготками шею Лутара, а ногами обхватывая его торс. — Тебе кто бабку жрать разрешил, окаянный? Приходи в себя, скотина клыкастая!

— Яшик, — с облегчением выдохнула Лукерья и поспешила оттащить мать от сцепившегося с упырем лешачонка.

Лутар завертелся на месте, силясь скинуть со спины перекинувшегося лешим Яшика. Но тот вцепился в упыря клещом и душил. Как и у любого иного, силы в Яшике было немерено. Лутар лупил его руками по бокам, пытался стащить с себя за шкирку, но упыриные когти вязли в лешачьем зеленом меху, почти не причиняя Яшику вреда. Лутар намеренно упал навзничь, надеясь, что удар о землю заставит лешачонка ослабить хватку, но не тут-то было.

— Я земля. Я лес. Я всему жизнь здесь, — затараторил Яшик. — Я живое защищаю, мертвое схоронить повелеваю.

На последнем слове лешачонок извернулся, отскочил от Лутара, а на того со всех сторон накинулись корни, вырастающие прямо из земли. Упырь попытался выскользнуть из пут, но не успел. Через несколько ударов сердца все было кончено: корни надежно скрутили Лутара, и он наконец затих.

— Ох, ох, ох, — вздохнула бабка Горлина. — Бедненький.

Она опустилась на колени рядом с Лутаром, лежащим на спине, и приложила порезанную руку к его губам. Ощутила, как острые клыки жадно впились в плоть.

— Мама, ты что… — Лукерья хотела оттолкнуть старушку, но та грозно цыкнула на нее, продолжив поить своей кровью упыря.

Яшик тем временем попросил у Лукерьи ее платок. Она отдала. Мех лешачонка засветился зеленым и начал опадать, тело стало меняться. Исчезли когти на руках и ногах, уменьшились до нормального размера уши. И вскоре подле поверженного упыря стоял уже не лешачонок, а рыжеволосый мальчишка, прикрывший срам платком Лукерьи.

Изменения произошли и с Лутаром. Глаза и вены его вернулись к прежнему виду. Он сам оторвался от руки старушки, облизал перепачканные кровью губы, провел языком по ставшим обычными зубам, заторможенно осмотрелся, а потом закрыл глаза и провалился в беспамятство.

***

В печи задорно потрескивал огонь. На полатях сладко сопели дочки Лукерьи в обнимку с любимой кошкой. Сама Лукерья забралась на верхний ярус нар и уснула там.

В конце избы за завесой из плотной ткани на топчане лежал Лутар. Неестественно бледный, похожий на покойника, он не дышал и не шевелился. Любой бы решил, что мужчина мертв, но не бабка Горлина. Она положила ладонь ему на лоб, прошептала простенький заговор на крепкий сон и поправила одеяло, которым укрыла его чуть ранее. Хотя едва ли упырю был страшен холод. Он и сам был не теплее ледышки.

Горлина еще немного постояла у постели Лутара, убедилась, что тот действительно крепко спит, и, задернув завесу, прошла в горницу. Там за столом уже сидел Яшик. Мальчонка оделся и лакомился любимыми мухоморами, которые по обыкновению ворожил прямо из воздуха.

— А пес управляется с собой все лучше, — сказал Яшик и для разнообразия наколдовал подберезовик, ножку которого слопал в один присест.

— И то верно, — согласилась Горлина, наливая себе в кружку горячего молока, которое ставила подогреться чуть раньше. Добавила к молоку ложку меда, перемешала и уселась напротив Яшика.

Лешачонок был прав: Лутар все лучше и лучше контролировал себя. Хотя без происшествий, таких как сегодня, пока не обходилось. Будь рядом сильная колдунья, она бы помогла притупить в Лутаре жажду крови, но таковой в этих краях не водилось: гонители давным-давно всех изничтожили. Сама Горлина была всего-навсего вольной ведьмой-самоучкой, как и ее дочь Лукерья. Ни та, ни другая от рождения даром не обладали и умели разве что ячмень на глазу да чесотку заговорить, неглубокую рану могли затворить, боль в суставах немного унять, жар сбить, бородавки вывести и подобные мелочи. В остальном же они были больше умелыми травницами, чем ведьмами. Чудеса, которые когда-то приписывали Лукерье в Озерце, на самом деле творила Веяна.

«Да, — подумала бабка Горлина, вспомнив желтоглазую ведунью, — вот уж кому Праматерь дара сверх меры отсыпала и благословила».

Будто прочитав мысли старушки, Яшик выдал:

— Будь рядом Веяна, не мучился бы так клыкастый. Плохо без нее, — шмыгнул носом лешачонок, и зеленые глазки-блюдца наполнились слезами.

Бабка Горлина только покивала в ответ и тоже смахнула слезу. Тоскливо в последние недели всем в лесной избушке сделалось, хоть в петлю лезь.

— Вы чего сырость мне тут развели? Али помер кто? — грубый мужской голос, донесшийся прямиком из устья печи, заставил мальчика и старушку вздрогнуть одновременно.

Огонь заволновался, полыхнул, словно туда кто хвороста сухого подкинул. Из устья повалил густой дым, но он не растекся по избе, а собрался большим облаком перед столом и вскоре сквозь него проступил человеческий силуэт. Еще через несколько ударов сердца перед Яшиком и Горлиной предстал Борун. Он потянулся, отряхнул смоляные волосы и бороду от золы, негромко, чтобы не разбудить детей и Лукерью, чихнул, зажав рот и нос ладонью.

Яшик мигом просиял, бросил на стол недоеденный гриб и кинулся к Боруну, повис у того на талии и уткнулся лицом в живот.

— Дедка, — крепче прижался к Боруну Яшик. — Вернулся.

— А с чего б мне не вернуться? — потрепал тот по голове мальчика.

Яшик в очередной раз шмыгнул носом, но деда не отпустил. Борун в проявлении чувств был не шибко хорош и нежность толком показывать не умел, но даже он понимал, что после случившегося в Стародубках малец до конца в себя так и не пришел. Яшик теперь пугался каждый раз, когда Борун отлучался по делам, а от Лутара вообще ни на шаг не отходил, хоть и делал вид, что по-прежнему его недолюбливает. Ну а как иначе, упырь их тогда спас, они ему по гроб жизни обязаны.

Кстати, об упырях.

Борун все-таки аккуратно отлепил Яшика от себя и бросил хмурый взгляд на занавес, за которым спал Лутар, потом посмотрел на перемотанную тряпицей руку Горлины.

— Буянил?

Старушка только отмахнулась устало.

— Да то ж разве буянил? Так пошумел маленько да в лес сбёг. Дык не впервой. Угомонили уж. Не волнуйся по чем зря, леший-батюшка.

Борун улыбнулся и сел на лавку у стола. Рядом плюхнулся Яшик.

— Как была ты, Горлинушка, в детстве сорвиголова, так и осталась. Негоже в твоем возрасте по морозу за упырями бегать.

— Ой ли? — фыркнула недовольно бабка. — Уж помлаже тебя буду, батюшка.

Борун улыбнулся шире, беря предложенный Яшиком мухомор. И правда, он хоть и выглядел куда моложе Горлины и больше пятидесяти ему люди редко давали, а все же был намного ее старше. Почитай на несколько веков точно, а ведь Горлине и самой уже перевалило за восемьдесят прошлой зимой. Время-то как летит. Эх. Кажется, только вчера сидела перед ним на пеньке в лесу не старушка, а девчушка шести зим от роду и угощала блинами, которые из дома стащила без мамкиного разрешения.

— Тяжко ему, — резко посерьезнела Горлина. — Дюже у нашего клыкастенького сердце доброе. Все боится, что зашибет кого из нас ненароком али загрызет. Вот и тикает из дому каждый раз, как в голове мутится. К ведьме бы его, — осторожно добавила она.

Разговоры о ведьмах Борун после пленения Веяны вел неохотно, сразу мрачнел пуще прежнего, частенько мог вспылить на ровном месте. Леший скучал по своей воспитаннице и волновался за нее куда сильнее, чем кто-либо другой.

— Будет ему ведьма. Недолго осталось, — ожидаемо угрюмо отозвался Борун и откусил от мухомора.

— Неужто новости какие принес о Веянушке? — взбодрилась мигом Горлина.

— Она приходила во сне к Ясвету. Я виделся сегодня с ним и князем Жаданом. Веяна считает, что сможет выбраться.

— Правда? — тут же и Яшик воспрянул духом. — Честно-честно? Не врешь? Веяна вернется?

— Не вру, — Борун потрепал мальчика по рыжей макушке. — Скоро она снова будет с нами.

— А Берг? — раздалось у Боруна из-за спины.

Лутар стоял, опершись рукой об угол печи, и слегка пошатывался, не до конца отойдя от усыпляющего заговора Горлины. На нем были лишь порты. На обнаженной груди, прямо в области сердца отчетливо виднелся безобразный шрам, оставленный суком, которым его когда-то проткнуло в сражении с Вехой.

— Он по-прежнему против нас, — нехотя ответил Борун.

— Вот оно как, — пробормотал под нос Лутар. Он с силой растер лицо ладонями, похлопал себя по щекам, потряс головой и добавил уже четче: — Пойду пожрать себе раздобуду.

— Куды? Не пущу, — с завидным проворством вскочила из-за стола бабка Горлина и закрыла собой дверь, расставив руки в стороны.

— Твоей крови мне мало, ба, — терпеливо пояснил Лутар, с искренней благодарностью глядя на старушку, которая уже не раз его от безумия спасала. — Надо чего посытнее да пожирнее съесть, чтобы снова рассудка не лишиться.

— Вот еще, — насупилась Горлина, не сдвинувшись и на пядь. — Потеряешси, где мы тебя искать будем?

— Не потеряюсь, ба. Все хорошо, ясно я сейчас мыслю.

Горлина только губы поджала недовольно, да брови седые на переносице угрожающе сошлись.

— Пусти его, — вмешался Борун.

— Да, пусти, — влез Яшик, вставая рядом с Лутаром. — Я… я с ним пойду. Присмотрю.

— Надеешься, что снова выпадет шанс мне бока намять, мелкий? — усмехнулся по-доброму Лутар. — Больше не поддамся, и не надейся.

— Я тебе их и прямо сейчас еще разок намять могу, хочешь? — тут же ощетинился Яшик.

— Довольно, — резко одернул их Борун. — Ступайте. Но за Кривой ручей чтоб ни ногой. Там село большое.

— Я помню, — сказал Лутар. — Мы в ту часть леса не пойдем.

— И волков не трогай, — предупредил Борун. — Они нам все до единого нужны, уж дюже хорошо приближение Вех чуют.

— Да помню я, помню. И про то, что сов есть нельзя, тоже помню. Они глаза и уши твои, и так далее, — обезоруживающе улыбнулся Лутар.

— Лис ты хитрый, а не упырь, — проворчал Борун, доев мухомор и облизав пальцы.

Прежде чем вурдалак и лешачонок успели выйти за порог, бабка Горлина сунула Лутару в руки сапоги и овчинный тулуп.

— Знаю, что не мерзнешь, но не могу смотреть, когда дите голышом по морозу шастает.

— Это я-то дите? — едва не рассмеялся Лутар, но послушно обулся и тулуп накинул.

Старушка только языком цокнула да осенила их напоследок знамением Безокой.

— Нарочно спровадил? — поинтересовалась она у Боруна, когда Лутар и Яшик ушли.

Горлина села обратно и хлебнула молока с медом, которое так и не успела допить.

— Пущай гуляют, — буркнул леший, постучав указательным пальцем по столу.

— Да уж, хороша прогулка. Ночью да в мороз, — пробрюзжала старушка.

Они помолчали. Мыслями каждый был далеко отсюда, от этой одинокой, затерянной в чаще Тихого леса избы. Борун доедал оставшиеся на столе грибы. Бабка Горлина пила молоко.

— Межимир собирает под свое крыло жрунов, — тихо произнес спустя время леший.

Старушка оцепенела.

— Как? Зачем?

— Не хочет больше рисковать гонителями в схватках с Вехами. Межимир умен и чертовски хитер. А теперь, когда люди от отчаяния молятся еще усерднее, у него и чар прибавилось. Пока жруны будут разбираться с Вехами, он подновит свою связь с оборотнями, может, и новых создаст, а может, добавит сил уже имеющимся.

— Плохо дело.

— И не говори.

Борун потер горло. После битвы у Стародубок это стало привычкой: проверять, на месте ли голова. Глупо, конечно, но ничего не мог с собой поделать. Страх быть вновь обезглавленным глубоко засел в мозгу. Да, ему посчастливилось выжить тогда, но Борун ни на миг не забывал, что во второй раз едва ли так же повезет.

Глава 4. Комок зеленушный и морда клыкастая

Тихий лес, который раскинулся на юго-востоке Дремского княжества прямо на границе с Овраждным княжеством, был огромен. Многие крестьяне верили, будто у него и вовсе нет ни конца, ни края. Ходили слухи, что в нем легко могла заплутать и сама Праматерь, а Ее сыны туда и вовсе не хаживали, страшась быть поглощенными жуткой чащей. Веками этот лес стоял нетронутым и непокоренным людьми. Необъятные владения верховного лешего Междукняжья Боруна и по сей день нагоняли страху на простолюдинов, вынуждая их почитать Тихий лес едва ли не наравне с Безокой. И даже гонители не совались в лес без крайней нужды, потому как редко возвращались оттуда целыми и невредимыми.

Будучи человеком, Лутар ни за что не стал бы разгуливать по этим местам среди ночи, но назвать себя обычным человеком он не сможет больше никогда.

Уже четыре месяца Лутар был мертв. Его сердце не билось, кожа сделалась ледяной, он не дышал и знал наверняка: Тихий лес его не тронет, потому что давно принял за своего. Лутар был единственным разумным упырем на всю округу, и лес уважал его за силу воли, благодаря которой он сумел сохранить человечность и почтительное отношение ко всему живому.

И все же Лутар до сих пор не свыкся с мыслью, что он один из них — иных или, как сказали бы в Братстве гонителей, из нелюдей. А еще он тосковал: в день, когда умер, погибла и его оборотничья суть, и на ее месте в душе теперь зияла пустота. Упыриные чутье, зрение и слух не уступали медвежьим, но все же были другими. Зверь жаждал свободы, возвращения в лоно природы, из которого некогда вырвало его заклинание Межимира. Упыря же всегда вел треклятый голод. Казалось, вместо желудка у Лутара теперь бездонная яма. Десны без конца саднили, клыки то и дело норовили удлиниться, и все никак не получалось подолгу удерживать зубы в обычном состоянии.

Тяжко.

Однако Лутар не жалел, что Веяна поступила наперекор воле Берга и обратила его упырем. Помирать не хотелось. По крайней мере до того, как удастся отомстить Вящему Совету за убитых родителей, украденное беззаботное детство и отнятые воспоминания. А значит, надо приспособиться к своей новой сути и жизни.

И в целом у Лутара это выходило неплохо. Большую часть времени он пребывал в здравом уме, не кидался на людей и довольствовался кровью животных. Однако иногда невыносимый голод брал верх над разумом, и тогда Лутаром овладевал страх, совсем как сегодня. В моменты помутнения он до одури боялся ранить друзей: задиру Яшика, Боруна, бабку Горлину, Лукерью и ее дочерей и поэтому сбегал. Отчего-то чудилось, что там, в чаще леса, станет легче, но его раз за разом возвращали обратно и приводили в чувство.

Едва ли Лутар когда-нибудь сможет сыскать достойные слова благодарности для тех, кто так искренне о нем заботился. Даже Яшик к нему привязался. Лешачонок вечно ворчал, дразнился, желал Лутару провалиться на месте и тут же, прямо как сейчас, плелся с ним на охоту, приговаривая, что без него дурной пес точно пропадет.

Яшик топал впереди по одной лишь ему видимой тропке. Лутар не отставал. Недаром Борун растил из Яшика преемника: лес слушался мальца почти так же хорошо, как и самого верховного лешего. Рядом с ним Лутару точно ничего не грозило. Да и силушкой рыжик обделен не был. Удумай Лутар снова ополоуметь — Яшик угомонит его в два счета.

Где-то в зарослях притаились волки, но к путникам они благоразумно не приближались: Лутара боялись, Яшика уважали. Вурдалак в Тихом лесу был на вершине пищевой цепи, и Борун утверждал, будто однажды, когда Лутар до конца освоится с новой силой, он сможет и с лешими тягаться, и с оборотнями. Лутару в то верилось с трудом, но слова Боруна вселяли в сердце надежду, и он упорно учился себя контролировать. Ведь мечтал не только отомстить

Вящему Совету, но и отплатить за добро Веяне и ее друзьям, которые не отвернулись от него и подарили вторую жизнь, сражаясь на их стороне против Межимира.

— Кто такой этот Ясвет? — спросил Лутар, принюхиваясь.

Кажется, он учуял вепря, но Яшик не останавливался, а значит, зверь не годится на ужин упырю. Лутар из-за этого не сильно расстроился: вепрей он не любил, дюже странная была на вкус их кровь, с душком. То ли дело оленятина…

— Брат Веяны, — отозвался лешачонок, прервав мечтания упыря о горячей, свежей и ароматной алой кровушке.

Лутар немало удивился. При нем никто ни разу не упоминал, что у Веяны есть брат. Он думал, что она была единственным ребенком дядьки Ратмира и ведьмы Тихеи.

— Подробнее не расскажешь?

— Вот вернется сестрица, сама тебе все и расскажет, коль сочтет нужным.

Яшик резко свернул влево.

Лутар поспешил за ним, споткнулся о корягу и чертыхнулся. В темноте он видел прекрасно, но сейчас отвлекался на голод и запахи. Он чуял птиц, белок, ежей и змей, слышал, как копошатся жуки под древесной корой, жужжат надоедливые комары и сопит в берлоге уже впавший в спячку медведь.

— Тебе глаза на кой? — проворчал Яшик. — Псина тупая.

Лутар уже давно не обижался, тем более лешачонок топнул ногой и тропа сделалась шире, а земля ровнее. Теперь при приближении упыря корни, точно живые, отползали в сторону. Лутар усмехнулся.

— Яш, ну расскажи. Интересно ж. Или хочешь, чтоб я от любопытства помер?

Он сорвал с ближайшего куста калины несколько подмороженных ягод и кинул в спину лешачонку. Тот резко обернулся. Его глаза блеснули в ночи зеленым потусторонним огнем, хотя Яшик оставался в человеческом обличье.

— Нарываешься, поганка клыкастая?

— Расскажи. Тебе жалко, что ли? — повторил с обезоруживающей улыбкой Лутар. — Пока буду слушать, заодно и от мыслей о голоде отвлекусь.

Лешачонок страдальчески закатил глазенки и пошел дальше, не проронив ни слова. Лутар боле не приставал с расспросами. Насильно заставлять Яшика делиться чужими секретами он не собирался.

Молчание продлилось недолго. Уже вскоре лешачонок остановился у глубокого оврага с почти отвесными краями. Чуть ранее Лутар уловил запах оленьей крови и теперь понял, откуда он доносился. На дне оврага, по которому тек ручей, лежала олениха. Животное тяжело дышало и почти не шевелилось. Шкура ее поблескивала от инея.

— Лесавки сказали, она туда недавно свалилась, — пояснил Яшик. — Переломалась вся. Ее уже не спасти. Так что угощайся.

Лутар просиял. Не ожидал, что сегодня полакомится оленятиной, думал, придется довольствоваться зайцами или лисами.

— Спасибо, рыжий.

С этими словами упырь сиганул в овраг и мягко приземлился рядом с умирающим животным. Не мешкая скинул тулуп, чтобы не заляпать, опустился на колени и жадно припал к шее оленихи. Та только слабо дернулась напоследок.

Хорошо, как же хорошо. А главное, не пришлось никого выслеживать и преследовать. Да. Хорошо. Пусть поначалу и было противно от самого себя, но теперь такие «пиршества» Лутар воспринимал как данность и научился по-настоящему ценить каждую капельку крови, даже будь она крысиной.

Яшик Лутару не мешал. Не спеша он спустился в овраг и уселся на корягу неподалеку. Упырь ощущал его присутствие, слышал биение сердца и дыхание. На миг захотелось бросить

олениху и кинуться на лешачонка, ведь он наверняка был куда вкуснее зверя, но Лутар подавил этот порыв и с пущей жадностью принялся высасывать кровь из жертвы.

— Жуть, — скривился Яшик, когда упырь покончил с трапезой и сел рядом с ним на корягу. — Оботрись хоть, морда клыкастая, прежде чем в избу идтить.

Лешачонок набрал в ладони снега и кинул в лицо Лутару. Тот рассмеялся, отплевываясь. Первый снег выпал не так давно и едва укрывал землю, потому вместе с ним Яшик зачерпнул и хвойных иголок в придачу, и какого-то мелкого сора.

— Полегчало, стало быть, коль лыбишься.

Лешачонок щелкнул пальцами, и в руках у него возник небольшой отрез ткани, который он протянул Лутару.

— Спасибо, — ответил упырь, оттирая кровь с губ, подбородка и шеи. — И за то, что пожрать мне нашел, тоже спасибо.

— Пф, — фыркнул Яшик и встал. — Енто… Спать хотца. Давай уже домой двинем.

И лешачонок в несколько ловких прыжков взобрался по крутому склону оврага.

— Ну что опять? — обернувшись и заметив, что Лутар остался на месте, раздраженно развел он руками. — Чего застыл?

— Мы не одни тут, — отозвался упырь, не менее шустро вскарабкавшись наверх и не забыв при этом прихватить свой тулуп, чтобы не огрести за его потерю от бабки Горлины.

— Да брось. Лес бы мне сказал, если бы…

Яшик не договорил. Его сбило с ног и швырнуло обратно в овраг невиданной силой.

— Черт. — Лутар лихорадочно озирался, но не заметил ничего, кроме привычных деревьев и кустарников. — Что за бесовщина?

За лешачонка не особо переживал: магии в нем было с лихвой — такой ерундой не пронять.

— Ты-ы-ы, — вдруг прошептало нечто у самого уха Лутара, но когда тот повернулся на звук, то ничего не увидел.

— Покажись! — крикнул упырь, продолжая вертеться на месте в надежде рассмотреть хоть что-то.

— Ты есть последний, кого она вернуть. Она отнять тебя у меня. Я хотеть забрать свое, — теперь голос звучал в отдалении.

— Что ты несешь? Кто ты? Покажись и сражайся честно!

Лутар отбросил тулуп и позволил себе измениться. Зрачки расширились, полностью поглотили радужку. Белок покрылся сеткой черных капилляров. Кожа под глазами приобрела темный, синюшный оттенок. Сосуды на тыльных сторонах ладоней и предплечий вздулись, стали черными. Упырь оскалился и зарычал в темноту.

Нечто кружило рядом, скользило в вековых зарослях незримо и бесшумно. И все же Лутар его чуял, кожей али нутром и сам не понимал.

— Преград больше нет. Нет. Нет. Ты принадлежать мне.

Невидимый враг оказался ближе, чем думал Лутар, и схватил его за запястье. Упырь попытался вырваться, но не тут-то было. Кем бы ни был его соперник, он не намеревался отпускать свою жертву так просто. И больше прочего поразил Лутара холод, который пробрал до костей даже его давно мертвое тело, когда нечто соприкоснулось с его кожей. Рука мигом онемела, словно льдом скованная.

— Да что ты за дрянь такая? — прорычал упырь сквозь зубы, хватаясь свободной рукой за ствол молоденького деревца, когда эта неведомая сила потащила его за собой. — Отвали! Сгинь!

Лутар попытался пнуть это нечто, но нога ожидаемо не встретила сопротивления. У гонителей на такие случаи наготове всегда были Слезы Праматери и посеребренные, освященные клинки, которыми стоило хоть раз зацепить колдуна, и заклятие невидимости непременно с

него спадало. А если и не спадало, то словить врага можно было хитростью: облить его чем-то или осыпать, чтобы видны стали очертания тела, пусть и скрытого чарами. Ведь заставить исчезнуть плоть буквально нельзя, лишь отвести от нее чужие взоры. По крайней мере, так считал Лутар до сего момента. Он слыхом не слыхивал, что существуют колдуны, способные сражаться, не имея вообще никакой оболочки. Да и посеребренный меч со Слезами Праматери он при себе уже не носил по понятным причинам.

— Мой, мой, мой, — шипело нечто, прилагая еще больше усилий, чтобы сдвинуть упыря с места.

Деревце, служившее Лутару спасительной соломинкой, затрещало. Ноги скользили по подмороженной земле. Онемение в руке дошло до плеча, перетекло на шею и поползло к лопатке.

— Яшик, етить тя колотить! — заорал Лутар что было мочи. — Где тя черти носят, комок зеленушный?!

— Мой, мой, мой, — талдычил невидимка, как заведенный, вливая все больше и больше мороза в тело Лутара.

Уже и вторая рука мало-помалу начала неметь, слабели ноги.

— «Комка зеленушного» я те еще припомню, — явился наконец лешачонок, в своем истинном обличье. — За языком следи, мертвечина болтливая.

Буро-зеленый мех, покрывший все его тело, теперь топорщился на загривке, точно у зверя, и в нем гасли отблески оборотных чар. Круглые изумрудные глаза сияли ярче луны. Пальцы на руках с длинными черными когтями угрожающе подрагивали. Лешачонок выглядел взбешенным не на шутку и смотрел в одну точку. Не сразу Лутар сообразил, что, в отличие от него самого, Яшик видит напавшее на них существо.

Маленький леший выставил вперед руку, в ладошке его заклубилась зеленая магия. Лес пришел в движение. Сучья быстрыми змеями устремились к невидимке, прошили пространство в том месте, где должно было стоять нечто, но ничего не изменилось. Хватка на запястье Лутара усилилась, онемение сдавило грудь, стянуло живот. Деревце переломилось, и упыря кинуло вперед. Ноги окончательно отнялись, он рухнул наземь. И только одна его рука была поднята вверх: невидимка и не думал отпускать свою жертву, подтащил ее ближе к себе. Лутар ткнулся лбом во что-то, с трудом приподнял голову и наконец смог увидеть неясные очертания. Нечто сутулое, похожее на человеческую тень с непропорционально длинными руками и шеей, стояло над ним, вперив взгляд в Яшика.

Сучья деревьев вернулись в прежний вид. Лешачонок склонил голову набок, задумчиво почесал затылок и произнес:

— А-а-а, вот оно что. То-то я думаю, видались уже где-то.

— Прочь, — прошипело существо. — Мой.

— Вовсе не твой, — мотнул головой лешачонок. — Ишь заладил. Тебе за него честно заплатили. Ты больше на него прав не имеешь.

— Нет границы. Что хотеть я, то и делать. А я хотеть забирать то, что мне не дать забрать.

Нечто отпустило руку Лутара, присело на корточки и вцепилось ему в волосы на затылке, потянуло на себя. Упырь зло зашипел, когда шея неестественно выгнулась, но двинуться и высвободиться уже не мог. Тело окончательно перестало его слушаться.

— Прочь, пока по-хорошему прошу, — голос Яшика сделался как никогда серьезным и звучал теперь совсем взросло. — Договор нарушить я тебе не дам.

— Мой.

Существо пропустило его слова мимо ушей и раззявило пасть. Рот его сделался неестественно огромным, в такой запросто могла поместиться голова Лутара. Нечто склонилось чуть ниже, и упырь в ужасе осознал, что оно и правда намеревается откусить ему башку. Хотелось

напоследок хотя бы обругать эту мерзость на чем свет стоит, но язык Лутару больше не повиновался.

— Кромешник! — вдруг крикнул Яшик так громко, что его, вероятно, услышали на другом конце леса. — Не в службу, а в дружбу. На моей земле беда, то и твоим слугам худо. Вражина в тени, ты поспеши, ее слови. Во мраке вотчина твоя, отступлю в этой битве я.

Существо на время потеряло интерес к Лутару и, беспокойно озираясь, замерло.

Кхр-кхр-р — будто кто когти о стволы точить принялся. Раздался пронзительный свист, словно завывал в трубе печной ветер.

— *Маленький хозяин звал, я сюда поспешал. За мной тени, передо мной тени. Им не нравится чужой, велишь спровадить наглеца домой?*

Из того положения, в котором теперь валялся Лутар, было толком не разглядеть, кто явился на зов Яшика. Упырю показалось, что это была всего-навсего еще одна тень, только одетая в длинный безразмерный балахон до земли с глубоким капюшоном на голове. Полы одеяния плавно колебались, как если бы стоял Кромешник не на суше, а в воде.

Лутар ощутил, что хватка на его волосах ослабла. Появление Кромешника в планы невидимки явно не входило.

— Изгони, — сухо и твердо приказал Яшик, указав пальцем на удерживающую упыря сущность.

Кромешник сорвался с места немедля, за ним ринулись тени, которые выползали из-под корней, стекали с крон и торопились за хозяином со дна оврага. Всего пара ударов сердца, и лес попросту перестал отбрасывать тени, все они слились в единое огромное облако над головой Кромешника и тотчас же, повинуясь взмаху его руки, обрушились на существо и Лутара.

На время упырь потерял возможность видеть. Вокруг него воцарилась непроглядная темнота, из которой доносились рычание, шипение и вой сотен разных голосов. И громче прочих выделялась речь Кромешника.

— *Что граница крепка, что слаба, а коль плата взята, Навь правила блюсти должна. За душу уплачено, десять лет жизни потрачено. Такова была цена, и она вся до последнего часа внесена. Явь договоры чтит, и наказание тебе грозит. Душа упыря здесь по закону, прочь из моего дому!*

Все закончилось внезапно. Когда Лутар пришел в себя и снова смог видеть, не было ни странной сущности, ни Кромешника. Тени вернулись на свои места.

Упырь и лешачонок остались на краю оврага вдвоем. И только теперь Лутар понял, что голова его покоится на коленях Яшика, который так и не сменил обличье на человеческое. Одна ладошка его лежала на груди упыря, другой он гладил Лутара по волосам. Впервые с тех пор, как они сбежали из Стародубок, Лутар увидел в глазах Яшика такой дикий страх.

— Я, — заговорил он сдавленно, — я не вынесу, если мне еще раз доведется кого-то потерять, — он сделал паузу и добавил совсем тихо: — Даже тебя, пес. Даже тебя я не хочу лишиться.

Лутар оторопел на миг, но потом нашел в себе силы сесть — благо онемение спало — и крепко прижал лешачонка к груди.

— Ну ты чего, Яш, — сказал он ласково, баюкая в объятиях маленького лесного хозяина. — Не собираюсь я помирать ни сегодня, ни завтра, да вообще никогда. Я ж бессмертный теперь. Еще не один век буду тебя раздражать.

Яшик то ли хихикнул, то ли шмыгнул носом, но вцепился в Лутара с такой силой, будто намеревался переломать ему ребра. Упырь не противился. Лишь корил себя, что отчего-то умудрился позабыть, сколь юн и раним еще был Яшик. Лешачонок всегда держался дерзко и гордо, вот и казался всем не по годам смышленым и зрелым. А ведь ему всего девять зим минуло, только в прошлом месяце день рождения его праздновали. Дите совсем, которому

нужно с ровесниками играть, да за спинами взрослых прятаться, а не друзей хоронить, сражаться и планы против всемогущих богов строить.

— Прости, — прошептал Лутар. — Прости, Яша, — и прижался щекой к пахнущей сырым мхом и грибами макушке лешачонка.

— Полно, — отстранился смущенно Яшик и поднялся на ноги. — Пойдем домой. Надо о на́вце деду Боруну доложить.

— Навец? Не слыхал о таких.

Лутар тоже встал и поплелся устало за лешачонком, попутно подбирая с земли сброшенную тем перед обращением одежду, не забыл прихватить и тулуп, страшась гнева бабки Горлины.

Яшик уже пришел в себя, обернулся, смерил упыря привычным недовольным взглядом, закатил глазенки, громко цокнув языком, и пустился в объяснения, не забыв при этом озвучить, что думает о необразованных церковных псах, невесть как выживающих в этом мире с таким-то скудным умишком.

Лутар только широко улыбался в ответ, пусть рассказ Яшика и не сулил ему ничего хорошего.

Оказалось, за ним явился слуга самой Нави — навец, один из ловцов сбежавших душ, тех, что смогли обойти законы мироздания и улизнуть из Нави, уже будучи ею поглощенными или вот-вот должными переступить порог между миром живых и мертвых. В отличие от Собирателей душ, навцы не охотились за теми, кому не суждено упокоиться из-за неправильной или насильственной смерти.

Согласно правилам магического мира, не имели навцы права и преследовать души, за которые был уплачен назначенный Навью выкуп, как в случае с Лутаром. Но, видимо, появление Вех нарушило привычный ход вещей куда серьезнее, чем всем думалось, и навцы распоясались.

— Не волнуйся, дед Борун покумекает и сообразит, как тебя сберечь, — дополнил свой рассказ Яшик, когда заметил тревогу на лице Лутара. — Да и Кромешник на нашей стороне. Как-нибудь прорвемся, клыкастый.

Лешачонок подмигнул упырю и легонько толкнул его плечом. Лутар тяжело вздохнул. Скорее бы Веяна вернулась.

Глава 5. Как же быть?

Берг не находил себе места после разговора с Отцом Зрящим, хотя прошло уже несколько дней с той беседы. Не помогали ни тяжелые тренировки, ни долгие молитвы. Зачем по-прежнему преклонял в храме колени перед Праматерью, Берг и сам не очень понимал, но эти привычные действия, вбитые в голову с ранних лет, дарили некое ощущение стабильности и покоя, столь ценное для него в разваливающемся на части мире. Жаль, умиротворение это длилось ненадолго.

Нынешней ночью Берг тоже не сомкнул глаз. Мысли то и дело возвращались к Веяне, а стоило смежить веки, и пред очами возникали души убиенных им, которые не оставляли единца ни на миг.

Берг устал.

Коль бы мог, прямо сейчас отправился сражаться с Вехами, чтобы вышибить запалом битвы из башки всю дурь, но, увы, пока не разрешится дело с Веяной, из Надмирного града его не выпустят. Пару раз возникали порывы улизнуть тайком и не возвращаться, пока все не будет кончено с ведьмой. Ну, в самом деле, не откажется же Отец Зрящий от чтения ее памяти только из-за отсутствия Берга?

Ан нет, так единец не поступил бы никогда. Поклялся выполнять все приказы Вящего Совета — держи слово и не смей давать слабину.

Берг и без того корил себя, что скрыл от Межимира одну крайне важную вещь.

«*Чистая кровь, чистая. Нужен только ты, Умраново отродье*», — эти слова, произнесенные Вехой в сражении при Стародубках, единец хорошо запомнил, но осознавал, что расскажи он о них Отцу Зрящему, и тот запрет его в Сторожном монастыре.

Хранить такой секрет от читающего мысли бога было очень нелегко, однако Берг не мог допустить, чтобы Межимир прознал о стремлении Вех поймать потомка Умрана. Тем более до сего момента единцу всегда удавалось избежать плена. Ну не мог Берг позволить себе сидеть сложа руки, когда его братья гибнут в схватках с черными вихрями, должен был делать хоть что-то.

Не раз и не два приходило ему на ум пойти к Веяне и расспросить обо всем, узнать, почему именно он нужен Вехам. Ведьма наверняка ведает что к чему. Но Берг отмахивался от этих мыслей. Если ее до сих пор не разговорили лучшие дознаватели Братства, то с ним она беседовать и подавно не станет.

За окном забрезжил рассвет. Берг проворочался в постели еще с час и встал. Его опочивальню, порушенную в гневном припадке в день беседы с Межимиром, уже привели в порядок. Но комната будто лишилась прежнего уюта. Или для Берга сейчас попросту нигде не было места?

Он умылся приготовленной слугами с вечера водой, натянул на себя простую полотняную рубаху да штаны и вышел в коридор.

По дому уже разносились шаги и тихие голоса холопов. С улицы слышалось завывание ветра. Сегодня был только первый день зимы, но месяц декар уже разбушевался не на шутку и снега за ночь намело по щиколотку.

Со второго этажа, где находились комнаты господ, Берг спустился на первый и отправился в трапезную. Запах Велимира учуял еще на лестнице, поэтому, застав его здесь в столь ранний час, ничуть не удивился.

Велимир, тоже в простецкой рубахе и штанах, сидел в одиночестве за огромным дубовым столом, за которым некогда семейство Умрановых собиралось полным составом едва ли не каждый день: сам Велимир, Мирослава Никитична, Берг и его старшие сестры с мужьями да детьми и, конечно, приемыш Лутар.

Берг замер в дверях. В трапезной было мрачно, свечей никто не зажигал, а тусклого света с улицы не хватало, чтобы как следует осветить просторное помещение. Мелкий снег с дождем при каждом новом порыве ветра бился в окна со звуком бросаемой в стену крупы. Огонь в очаге едва тлел, и в комнате царила неприятная, сырая прохлада.

На столе перед Велимиром стоял кубок, рядом — початая бутыль вина. По правую руку от отца Берг увидел еще один наполненный кубок, а подле него лежал любимый гребень Мирославы Никитичны.

Берг тяжело и шумно вздохнул, привлекая внимание погруженного в свои мысли Велимира. Тот встрепенулся и поднял взор на сына. Поразительно, но для человека, утонувшего в скорби, вершитель не выглядел ни осунувшимся, ни постаревшим с горя, ни даже просто усталым. Наоборот, Велимир будто помолодел на несколько лет, а в темных глазах горело нечто сродни воодушевлению. Берга этот взгляд изрядно тревожил. Он прекрасно понимал, что причина такой ненормальной бодрости и собранности кроется отнюдь не в освобождении от жены-колдовки, а в жажде мести. Да, именно желание отомстить Межимиру за смерть Мирославы Никитичны давало Велимиру силы жить дальше и не опускать руки ни перед какими трудностями.

— Еще не утреневал? — Берг привалился плечом к дверному косяку и сложил руки на груди.

— Так вот же, — Велимир кивнул на кубок и, взяв тот за ножку, медленно покрутил его из стороны в сторону.

— То не еда, — недовольно покачал головой Берг.

— Ничего другого в горло не лезет. — Велимир провел рукой по волосам, взъерошив их. — Такого за ночь нагляделся, сыне, что жрать еще не скоро захочется.

— Беженцы? — Берг невольно посмотрел в окно.

Ясное дело, ничего, окромя уже впавшего в зимнюю спячку сада, он не увидел, но звериным нутром улавливал присутствие сотен чужаков, толпившихся под стенами Надмирного града. Если чуток напрячь воображение, единец легко мог представить стихийные лагеря с простолюдинами, молящими о спасении Безокую Праматерь и Вящий Совет.

— Они самые. — Велимир осушил кубок и налил себе еще. — Кучу малышни из какого-то приюта при одном из дальних монастырей привезли. Все седые, тощие и беззубые. Суставы скрюченные. У половины бельма старческие на глазах, да и остальные едва видят. Рыдают, просят унять боль в телах одряхлевших, зрение вернуть, — вершитель умолк на миг, тоже уставился в окно и продолжил бесцветным голосом: — Лекари малышню осмотрели. Большинству из них не боле седмицы осталось.

Берг не нашелся, что ответить. Все это он видел уже не раз и единственное, на что был способен, — беситься от бессилия перед жуткой напастью. Единец прошел в трапезную и сел на стул слева от отца. Они молчали долго. Велимир не мигая глядел на красную жидкость в кубке, Берг — на матушкин гребень.

— Она умеет возвращать отнятое Вехами время, — наконец нарушил тишину Берг.

Велимир встрепенулся и непонимающе уставился на сына. Тот уточнил:

— Веяна. Я сам видел.

— Отец Зрящий знает?

Берг пожал плечами и, облокотившись о стол, уперся лбом в сплетенные пальцы.

— Я не обсуждал это с ним.

И снова тишина, и снова Берг заговорил первым.

— Бать, — поднял он голову и заглянул отцу в глаза.

— Чего?

— Почему не винишь меня, — Берг указал на гребень матери, — и делаешь вид, что между нами все как прежде?

Этот вопрос вертелся на языке еще со дня казни Мирославы Никитичны, но Берг не решался его задать. Ему хватало и того, что сестры больше не желали с ним видеться и запрещали встречаться с племянниками. Когда Велимир просто принял произошедшее как данность и не стал допытываться у Берга о мотивах его поступков, последний выдохнул с облегчением и счел, что лучше будет и вовсе не поднимать эту тему. Велимир был жив, здоров и даже сохранил место вершителя — о большем Берг тогда и не мечтал.

Межимир счел Велимира не более чем марионеткой в руках Мирославы Никитичны и Баюна. К такому выводу бог пришел после того, как на одном из допросов Мирослава Никитична созналась, будто годами тайно опаивала мужа отваром дурман-травы, дабы ослабить его связь с Межимиром и взять под свой полный контроль. Служители Житницы чар обследовали Велимира и действительно нашли в его теле отголоски слабой, дурманящей ворожбы.

Берг с малолетства восхищался матерью, но в тот день зауважал ее во сто крат сильнее. Мирослава Никитична всегда была дальновидна. Берг был уверен: взаправду порабощать Велимира она и не думала, да и никакая дурман-трава не ослабила бы в нужной мере заклинание самого Межимира. Наверняка Мирослава Никитична хотела таким образом обезопасить мужа, чтобы в случае чего взять всю вину на себя, и ведь не просчиталась.

Но Бергу было мало разгадать замысел матери: сегодня вдруг стало жизненно необходимым узнать, что на уме у отца. А Велимир меж тем не спешил с ответом. Взял гребень покойной жены и задумчиво повертел вещицу в руках.

— Какой мне смысл в чем-то тебя винить, Вьюжик? — Вершитель нежно провел пальцами по резному узору на гребне и слабо улыбнулся. — Я не имею на это никакого права. Не после того, как убил вот этими вот руками, — он продемонстрировал ладони Бергу, — Сивера и Ладу, оставив Лутара сиротой. Не я ль вел Ратмира, друга своего лучшего, на костер и приказал тебе сгубить его жену и малолетнюю дочь? Не я ль, видя, как стала ненавистна тебе оборотничья суть после убийства брата, все равно велел тебе вступить в Братство? Ты всего-навсего поступил так, как должно поступать любому единцу. Не мне тебя судить. И я, и твоя мать понимали, чем рискуем, когда дерзнули пойти против Межимира. Мы сделали свой выбор, ты сделал свой. От этого ты не перестанешь быть моим любимым и драгоценным чадом.

Берг громко сглотнул ком в горле, ощущая, как к глазам ни с того ни с сего подступили слезы.

— Неждан, — прошептал он, кашлянув в кулак. — Брата звали Неждан, но ты никогда не зовешь его по имени.

Велимир только усмехнулся невесело и постучал гребнем по столешнице. Лицо его посуровело, из взгляда исчезла задумчивость, он будто одним махом отсек воспоминания о погибших сыне и жене. Теперь перед Бергом сидел привычный ему вершитель: собранный, грозный, мрачный.

— Значит, утверждаешь, будто твоя ведьма может возвращать из Нави пожранное Вехами время?

Бергу не понравилось, что отец, как и множество раз до этого, сменил тему разговора, стоило произнести имя брата, но ворошить прошлое дальше и сам сейчас был не в настроении. Он потянулся через стол, взял кубок, предназначавшийся покойной Мирославе Никитичне, осушил его в несколько глотков и ответил:

— Говорю же, я уверен в этом.

— Отчего же докладываешь о таком только теперь? Да еще не Отцу Зрящему, а мне?

Оказалось, объяснить Велимиру причину, по которой скрыл сие знание от Межимира, куда труднее, чем думалось. Берг уже начал жалеть, что вообще полез к отцу с разговорами, но идти на попятную было поздно.

Единец взял бутыль, намереваясь снова наполнить свой кубок, но та оказалась пуста. Он громко кликнул слугу и велел принести еще вина. Мальчонка, прибежавший на зов хозя-

ина, кинулся исполнять поручение. Когда в коридоре стих звук его торопливых шагов, Берг решился посмотреть в глаза отцу.

— Я, кажись, люблю ее, бать. Ненавижу дрянь этакую за то, что ведьма, но люблю куда сильнее. Сука! — Берг вдруг с силой швырнул кубок об пол, порывисто встал и прошелся из стороны в сторону.

Велимир наблюдал за сыном молча, давая тому время собраться с мыслями.

— Дурак я последний, — заговорил Берг уже спокойнее и пнул носком сапога кубок, который со звоном откатился к стене. — Напредставлял себе всякого. Думал, отдам ее Межимиру. Он у нее силу отнимет, и станет Веяна обычной девкой. А там уж я как-нибудь да заберу ее себе, прощение выпрошу, и заживем мы счастливо.

Берг перестал ходить из угла в угол и остановился позади стула, на котором ранее сидел, взялся за спинку и покачал головой.

— Не слабоумный ли я у тебя, бать, а? Тогда казалось, славно все порешал. А что в итоге? И Вехи никуда не делись, и она в клетке сидит, истерзанная вся, едва живая. Срань сратая.

Берг смотрел в пол и больше не двигался. В этот момент вернулся мальчик-слуга. Поставил перед господами бутылку, увидев на полу кубок, быстренько поднял его и принес Бергу новый. Поинтересовался, не нужно ли достопочтенным господарям чего еще, и, убедившись, что других поручений не будет, ушел, закрыв за собой дверь в трапезную.

— Ну-у-у, — протянул Велимир, разливая вино по кубкам, — все люди, влюбившись, умом скудеют подле тех, кто сердцем их завладел. Не ты первый, не ты последний. Да и кто знает, как бы все обернулось, поступи ты иначе. К тому же не о чувствах твоих я спрашивал, а о том, отчего же про способность девки в Навь за временем ходить умолчал?

Вершитель придвинул кубок к сыну и жестом велел сесть обратно. Берг противиться не стал и опустился на стул, хлебнул вина.

— Истощает ее сильно такое колдовство. Она потом на ногах едва стоит. Предела Веяны я не ведаю, но сдается мне, помрет она раньше, чем хотя бы с десяток людей спасет.

— А ты, стало быть, любой ценой хочешь ей жизнь сохранить? — понимающе хмыкнул Велимир.

— Стало быть, хочу.

Берг зыркнул на отца исподлобья, не до конца понимая, чего от него ожидать, однако, помедлив пару ударов сердца, добавил:

— Только все одно не спасу я ее. Уж ты-то наверняка знаешь, что задумал Межимир.

Велимир откинулся на спинку и опять принялся крутить в руках гребень Мирославы Никитичны. И так он на эту вещицу глядел, будто ждал, что в ней найдет ответы на все терзающие вопросы.

— Дурь он задумал. — Вершитель сжал гребень в левой руке, а правой осенил себя знамением Безокой. — Вот те знак. Не дастся девка так просто. До сих пор не далась и теперь смиренно на смерть не пойдет.

— Не тягаться ей с Баюном, — возразил Берг, запустил пальцы обеих рук в волосы, сжав те у корней, и помотал головой. — Лишилась она части своих сил и вконец ослабла от пыток. Баюшка ее как букашку раздавит и тогда…

Велимир вскинул руку, прерывая сына.

— Ты сюда ведь не жаловаться явился и предположениями обмениваться, а за советом. Так вот тебе мой отцовский совет, Вьюжик. — Велимир отложил гребень, подался вперед и крепко стиснул руку сына. — Если готов все бросить и вечно в бегах среди нечисти жить, то хватай свою ведьму и беги. Останавливать не стану, но знай: в покое тебя не оставлю. Если Межимир велит, выслежу, где бы ты ни был, и обратно приволоку. Скажет убить — убью. Потому что сейчас ослушаться его не могу. Твои сестры и племянники в его руках. Рисковать ими я не буду. Не пришло покамест мое время Межимиру вызов бросать.

— Или… — Берг чувствовал, что Велимир не все высказал, есть что-то еще, и не ошибся.

— Или смирись. Спустись в усыпальницу, посмотри на ведьму в последний раз. Открой ей все, что лежит у тебя на сердце, и как следует попрощайся. Если веришь, что скрытое в ее разуме и правда поможет нам с Вехами разобраться, то придется расстаться с ней навсегда.

Велимир отпустил руку Берга и снова сел прямо.

— А ты? — спросил Берг, в очередной раз приложившись к кубку. — Ты как следует попрощался с матерью?

Настал черед вершителя резко встать. Он зацепил свой кубок. Тот упал набок, прокатился и замер у самого края столешницы. Вино бордовым пятном расползлось по столу, полилось на пол, забрызгав сапоги Велимира.

— Я был слишком зол на нее и угнетен тем, как все обернулось. Не сумел подобрать нужных слов. — Он шагнул к сыну и потрепал его по макушке совсем как в детстве. — Не повторяй моих ошибок, Вьюжик. Не таскай за собой вину.

Вершитель перевел многозначительный взгляд на тень сына: она была длинной, очень длинной и четкой, хотя помещение освещалось из ряда вон плохо. Велимир точно знал, в чем тут дело. Чем длиннее тень, тем сильнее чувство вины и сожаления, которые человек носит в своем сердце. Берг до недавнего времени хорошо умел прятать чувства, но никогда не умел прощать себя, даже если и виноват-то толком не был.

***

Последний раз Велимир был в усыпальнице еще при Мирославе Никитичне. По возможности он старался избегать этого места. Уж очень не нравилась ему тамошняя атмосфера и ощущение запредельно могущественной магии, которую источали чаша и саркофаги. Но сегодня наведаться в подземелья под Житницей было необходимо. Гонители-стражники пропустили его без вопросов. Да и что с них взять? Они всего-навсего марионетки Межимира — сдадут пост и часы, проведенные на страже у дверей усыпальницы, напрочь сотрутся из их памяти. Порой Велимир задумывался, сколь многое он и сам позабыл по прихоти Отца Зрящего. Бог утверждал, что в память потомков Умрана никогда не влезал, но веры тем словам было мало.

Веяна сидела в дальнем углу клетки, обхватив колени руками и упершись в них лбом. Велимир впервые подошел к ведьме так близко. Допрежь он не хотел лицом к лицу сталкиваться с той, кто вольно или невольно стала корнем всех его бед, но после откровений Берга счел, что должен повидаться с Веяной до того, как она умрет или обезумеет.

— Просто поглядеть пришел, вершитель, али спросить чего хотел? — Веяна медленно, с большим трудом подняла голову, и на бледном, осунувшемся лице, покрытом ссадинами и кровоподтеками, ярко блеснули желтые ясные глаза.

— Интересно мне стало напоследок посмотреть на ту, которая сына моего покоя лишила.

— Что из тебя, что из твоего сына никакие лжецы, вершитель, — улыбнулась лукаво Веяна. — Попробуй снова, и, быть может, разговор у нас неплохо сложится.

— Наглости тебе не занимать, охальница. Я тебе в деды гожусь, да и не в том ты положении, чтоб дерзить. Дни твои сочтены, поумерила б ты свой гонор на пороге смерти.

Велимир указал на кандалы и цепь, пристегнутую к ошейнику.

— Ой ли? Так прям и сочтены? — тихо рассмеялась Веяна.

Она схватилась за прутья клетки и невесть как смогла подняться на ноги. Ее била дрожь, но она умудрилась горделиво выпрямиться и даже сделала несколько шагов по направлению к Велимиру. Однако была вынуждена остановиться, когда цепь от ошейника натянулась, не дав ей вплотную подойти к вершителю.

— Баюн превратит твои мозги в месиво. Даже если уцелеешь, назвать это нормальной жизнью будет большим преувеличением.

Велимир стоял, заткнув большие пальцы за пояс ремня. Он ощутил почти неконтролируемый порыв отступить, когда ведьма приблизилась, но переборол его. Девица и правда была необычной. Прежде такое волнение вершитель испытывал только в присутствии Отца Зрящего и Старейшин. А ведь в ней сейчас не было и трети ее прежней силы.

— И ты, и твой сын так волнуетесь о том, что со мной станется. Но отчего же совсем не печетесь о благополучии Баюна? Он рискует не меньше моего. Такие заклятия для чародеев — клинок обоюдоострый.

Настала очередь Велимира рассмеяться. Он до сих пор отчетливо помнил неистовые чары, которые ему довелось почувствовать в пещере, когда некромант поднимал армию блуждаков. Вершитель сильно сомневался, что в нынешнем состоянии ведьма способна хоть что-то противопоставить Баюну. И все же смех его был не до конца искренним и уж точно не беззаботным. Нечто в желтых волчьих глазах, так напоминающих очи Ратмира, дорогого друга юности, заставляло тревожиться. Недаром утром он сказал Бергу, что считает затею с заклятием чтения памяти пустой.

— Баюн умеет за себя постоять, — ответил Велимир, вновь посерьезнев.

— Спрошу еще раз. Что тебе на самом деле здесь нужно? — Веяна склонила голову набок и прищурилась, всматриваясь в лицо вершителя так пристально, будто и сама умела читать мысли.

— Умри, — после долгой паузы наконец честно ответил Велимир.

Веяна удивленно вскинула брови, растирая при этом запястья вокруг кандалов, которые тянули руки вниз и вгрызались в нежную кожу. Под широкими металлическими браслетами давно уже болели незаживающие воспаленные раны, но Веяна не позволяла себе кривиться от боли.

— Считаешь, моя смерть решит все ваши проблемы?

— У Берга точно забот поубавится. Этого достаточно.

— Вот ведь малахольная семейка. Твоя жена просила меня защищать Берга и не бросать его на произвол судьбы. Ты требуешь отпустить. И как же мне быть, вершитель?

— Мирославы больше нет, и желания ее уже не имеют значения. Ты не убила Берга в Стародубках, хотя такой шанс выпадал тебе не раз. Значит, по-своему, тоже им дорожишь. А коль дорожишь, то избавь его от душевных мук. Сгинешь, и он задышит свободнее. Потому повторю: не противься Баюну и умри.

Веяна перевела взгляд с Велимира на чашу с золотым облаком и словно призадумалась о чем-то. Ударов десять–пятнадцать сердца она молчала и не спеша перебирала звенья цепи, соединяющей меж собой браслеты кандалов.

— Знаешь, вершитель, пожалуй, — желтые глазищи снова вперились в Велимира, — я отвечу так: иди к черту.

Веяна сделала шаг вперед, цепь натянулась до предела, ошейник впился ведьме в шею. Она не улыбнулась, скорее оскалилась со злостью дикого зверя, собравшегося с силами перед последним броском на охотника, и быстро зашептала:

— Из тени к свету, моей вины нету. Но вину ухватить умею, чужими сожалениями владею. Коль явилась по мою душу, все до единого приказы слушай. И сейчас я тебя призываю, видимой тебя узреть желаю.

Веяна отступила, из носа у нее потекла кровь, покраснели белки глаз. Какое бы заклинание она ни творила, даже простому человеку было бы ясно — это требует от нее колоссальных усилий. Ведьма уже не просто дрожала — ее трясло так, что пришлось держаться за клетку, чтобы не упасть. Свободную руку она вытянула перед собой и будто схватила нечто невидимое.

— Выходи, — сипло процедила Веяна сквозь зубы, и тонкая струйка крови вытекла из уголка рта. — Выходи.

Ведьма крепче стиснула невидимый предмет и резко дернула его на себя.

Произошедшее дальше не просто ошеломило Велимира, оно буквально выбило почву у него из-под ног. Вершитель пошатнулся, точно во хмельном угаре, и вцепился в прутья клетки, не веря своим глазам.

Под ноги Веяне из ниоткуда вдруг вывалилась Мирослава, но не во плоти, а в форме полупрозрачного духа. Она выглядела так же, как и в день своей казни: обрита налысо, в длинной белой рубахе. Взгляд затравленный, непонимающий. От сердца Мирославы к руке Веяны тянулась тонкая голубоватая нить, именно ее так крепко удерживала ведьма. Бывшая глава Житницы стояла на коленях, обхватив себя руками. Губы ее шевелились, но с них не слетело ни звука.

— Ее вижу и слышу только я, вершитель. Стоит мне захотеть, и она снова исчезнет.

Веяна легонько потянула за нить, и лицо Мирославы исказила гримаса невыносимой боли.

— Не смей! — Велимир со всей дури грохнул ладонью по клетке.

Веяна чуть ослабила натяжение нити. Мирослава снова что-то беззвучно забормотала.

Велимир никогда не ощущал себя таким растерянным. Он понятия не имел, что тут происходит. Почему его ненаглядная Мирослава не ушла в иной мир, а осталась среди живых неупокоенным духом? Почему она оказалась привязана к Веяне? Как ведьма смогла сотворить заклинание, если на ней ошейник и кандалы, а на саму клетку наложены чары Межимира, блокирующие всякое колдовство? Что теперь ему, Велимиру, со всем этим делать?

— Она без конца повторяет имена всех, к чьим смертям причастна. Ее разум не выдержал такого груза вины. Сожаления не позволили упокоиться и привели ее ко мне. Ведь смерть маленькой девочки, чья кровь навечно останется на руках ее сына, терзала ее боле прочих прегрешений. И даже когда она поняла, что я выжила, простить себя уже не смогла. Вот и прилепилась ко мне после смерти.

Веяна кое-как вытерла тыльной стороной ладони кровь с губ и подбородка, но из носа быстро натекла новая. Тем не менее ведьма продолжила:

— Чтобы упокоиться, твоей жене нужно услышать мое искреннее прощение, вершитель. Если помру или повредусь умом от заклятия Баюшки, простить кого-либо вряд ли смогу. И будет твоя Мирослава вечность скитаться по Междукняжью бесплотным, безумным духом.

На последних словах Веяны Мирослава перестала бормотать и посмотрела прямо на Велимира. На лице ее мелькнула тень узнавания. Она поднялась с колен и воспарила над землей. Веяна отпустила нить, и Мирослава Никитична полетела навстречу мужу.

Велимир просунул руки внутрь клетки в надежде хоть на миг коснуться жены, но та растворилась в воздухе, когда между ними оставалось всего полпяди. Следом зашлась булькающим кашлем Веяна, разбрызгивая карминовую слюну.

Велимир много раз видел ведьм, которых разрушали их же собственные заклинания, если те неверно рассчитывали свой запас чар. Веяна колдовала под подавляющими чарами Межимира, истощенная пытками, без возможности нормально восстанавливаться, и теперь ее настигла неизбежная расплата за столь опрометчивый поступок.

— Не… будет… меня… — прошептала Веяна, оседая на пол. — И… ты… больше… никогда не услышишь и… не увидишь ее. — Она подняла мутный взор на Велимира. — Все еще хочешь… моей… смерти, вершитель?

Глава 6. Мертвая вода

Странные и неприятные человеческие эмоции доводили Баюна до белого каления. Ему претило чувствовать. Ему не нравилось скорбеть и метаться в бессильной злобе. После грандиозного провала их с Велимиром плана на протяжении последних четырех месяцев он мечтал об одном — лишиться памяти и уснуть беспробудным сном, раз уж умереть не может.

Да только права была Никитична, когда сказала ему как-то: «Чтобы уснуть сладко, Баюшка, надобно совесть чистую иметь, а у нас с тобой такой роскоши отродясь не водилось. Даже если помрем — не уснем. Мертвяками неприкаянными бродить будем и грехи искупать».

Так и вышло. Вроде и выжил Баюн, а все одно ощущал себя тем самым мертвяком. И вскоре отберет у него Межимир последнюю надежду на избавление от мук. Как Баюшка ни кумекал, а придумать способ уберечь Веяну от смерти и безумия не смог.

Вот бы отмотать время вспять, не дать Никитичне от Веяны в детстве избавиться и самому девку к рукам прибрать.

Баюн с тоской посмотрел вниз, туда, где сновали вокруг Житницы чар ее вечно куда-то спешащие хранители. Сам некромант, кутаясь в подбитый мехом плащ, сидел под крышей башни на перилах, огораживающих небольшой балкончик, примыкающий к чердаку, и теребил уже порядком запачкавшуюся ленту Веяны, которую подобрал тогда в Искренке.

Чердак этот служил Баюшке домом вот уже много десятилетий и был обставлен не хуже боярских покоев. Разве что помимо роскошной мебели темного дерева, обитой черным бархатом, и пестрых восточных ковров, тут повсюду валялись амулеты, артефакты, на столах и полках грудились склянки с разноцветными зельями, кучи костей, как людских, так и звериных, а в дальнем неосвещенном углу стояли три человеческих скелета, один из которых был покрыт копотью.

После смерти Мирославы Никитичны свой чердак Баюн почитай и не покидал, разве что вынужден был являться к Межимиру, ежели тот вызывал. Встречи с Отцом Зрящим теперь редко заканчивались хорошо. Куда чаще он срывал на Баюшке всю свою злобу и раздражение, порожденные бессилием против Вех и упрямством Веяны. Следы побоев не успевали заживать. Ошейник Межимир с него снимать без крайней нужды не собирался, а в нем колдовать или нормально исцеляться было невозможно, только так, по мелочи, вроде свечу поджечь, воду подогреть, тепла в комнату нагнать, чтобы ночью от мороза не околеть.

Баюн поежился, когда очередной порыв ледяного ветра пробрал до костей и едва не сбил его с перил. Некромант давно продрог, но сидеть в четырех стенах ему не хотелось, а идти за шубой было лень. Вот уже не первый день Баюна непреодолимо тянуло на улицу, а еще лучше за стены города на свободу…

«А может, — всерьез призадумался некромант, — сигануть вниз головой? Вот прямо так, чтобы мозги по брусчатке раскидало. Глядишь, и помру наконец, коль повезет и бессмертие мое в этом ошейнике не сработает».

Идея неожиданно показалась Баюшке просто потрясающей, и он не мешкая подался вперед. Присмотрелся. Идеально. Под ним аккурат вымощенный камнем пятачок двора виднелся. Некромант с кошачьей грацией и ловкостью встал на перила ногами, скинул плащ, повязал ленту Веяны вокруг запястья, расставил руки в стороны и закрыл глаза. Ветер трепал его длинные, до колен, черные волосы, которые издалека мерещились пляшущими вокруг Баюна тенями.

Шагнуть оказалось на удивление легко. Вот только вместо желанного падения и столкновения с брусчаткой некромант повис вниз головой, схваченный кем-то за ногу.

— Ошалел, летун недоделанный! — рявкнул невесть откуда взявшийся Велимир, без особых усилий затаскивая Баюна обратно на балкон. — Рехнулся, дурака кусок!

Некромант пересчитал о край ограждения все ребра и очень по-кошачьи зашипел от боли и досады. Вершитель швырнул его на пол с такой силой, что у Баюшки перед глазами потемнело и в ушах зазвенело, следом тяжелый сапог Велимира врезался ему в живот.

— Кинуть меня решил, гнида?! Только попробуй! Я тебя, прохиндея, и с того света достану!

Вершитель сцапал некроманта за шкирку и поволок в комнату. По пути Баюн нехило приложился поясницей о порог и ударился локтем о дверной косяк. Велимир бросил его на ковер, а сам уселся на диван.

— Ну и? Я жду объяснений. Какого хрена там сейчас было? — Вершитель скрестил могучие руки на груди и вперился в Баюна жутким взглядом.

Некромант с кряхтением сел, подобрав под себя ноги, и откинул спутанные волосы назад. Насупившись, словно малое дитя, которого только что отшлепал за проказы строгий родитель, он зыркал на Велимира исподлобья и потирал ушибленные ребра.

— Не хочууу, — произнес тихо Баюн после долгого молчания, — не хочу я ведьму убивать. Устааал я ото всего этого. Устал. Понимаешь? Только смееерть кругом меня, и ничего боле. И мне давно пора упокоооиться.

— Думаешь, за столько веков не помер, а тут вдруг получится? — хмыкнул Велимир. — Не смеши меня. Разве ж оставил бы тебя Межимир на свободе, ограничив одним лишь ошейником, если бы у тебя был хоть малейший шанс свести счеты с жизнью?

Баюн промолчал. Конечно, Велимир был прав. Ни разбитая голова, ни свернутая шея, ни вспоротое брюхо — ничто не могло убить некроманта. Всего каких-то пару-тройку часов, и голова будет как новенькая, а с ней и все остальное. Так работал договор с Межимиром: он не исцелял мелкие повреждения на теле, но всегда залечивал смертельные раны, сколь бы тяжелы они ни были.

— Чего припееерся? — недовольно протянул Баюн, не желая больше обсуждать очередную неудачную попытку самоубийства.

— Да тут такое дело…

И Велимир рассказал некроманту о беседе с Веяной и привязанном к ней духе Мирославы Никитичны. Баюн изменился в лице, но не перебивал и слушал внимательно.

— Дууурья ты башка. — Некромант пересел с пола в кресло сбоку от дивана и со стоном блаженства откинулся на спинку, вытянув ноги. — У ведьмы в руках ниииить была. То значит, что уж давно нееет у нее никакой обиды на Никитичну. Она ее своей воооолей держит. — Баюн ни с того ни сего повеселел и потер ладони, будто в предвкушении чего-то грандиозного, добавив довольно: — Сильнааа.

В красных глазах некроманта явственно читалось восхищение с толикой безумия, он вцепился в подлокотники и уставился в одну точку, а потом забормотал изменившимся голосом, который резко стал грубее и тверже, утратив привычную тягучесть:

— Вина есть, есть. Никитичну всегда совесть грызла. Стало быть, и правда сама к ведьме прилипла. Вина-то ее и притянула. Ведь остальные ее жертвы уже давно сгинули. А девка жива, жива. Но только ведьма не дура. Да, не дура. Она знает, что надо прощать и отпускать, чтобы не таскать все на себе. И она простила. Но отпустить нельзя, нельзя. — Некромант принялся грызть черный длинный коготь на большом пальце, когти другой руки вонзились в подлокотник, оставляя на дереве глубокие царапины. — Никитична много знает. Полезно. Да, это полезно. И она ее связала. Но как? Как? Под чарами Межимира колдует? Хороша. Чудо как хороша. Нельзя ее убивать, нельзя.

Баюн резко замолчал, часто заморгал, и на лицо его вернулось привычное плутоватое выражение, плечи расслабились. Он недовольно посмотрел на коготь, край которого обгрыз, и перевел взгляд на Велимира.

— Обойти закляяятие, которое я буду плести над ее разумом, нельзяяя. Но я уверен, у ведьмы есть план. Вернись в усыпаааальницу и спроси, что ей нужно взамен на свободу Никитичны.

— По-твоему, я недостаточно Отца Зрящего разозлил? — Велимир подался вперед, упершись локтями в колени. — Заключать сделку с ведьмой слишком рискованно.

— Значит, просто смирииишься? Стать неупокоенным духом куда хуууже, чем сгореть заживо на костре. Желаешь Мирославе вечных муууук?

Вершитель понурил голову, в тот миг казалось, что легли ему на плечи все беды мира.

— А если, исполнив просьбу ведьмы, я поставлю под удар тебя? — озаботился он вдруг будущим Баюшки.

— Просто дай ей тооо, что она попросит. Что бы то ниии было.

С этими словами некромант поднялся, подошел к двери и распахнул ее, жестом показав Велимиру, что тому пора и честь знать. Вершитель покинул чердак, не попрощавшись.

***

Меньше всего Веяне хотелось возиться с неупокоенным, внезапно прилепившимся к ней духом Мирославы Никитичны. Но и отказываться от такого подарка судьбы было бы верхом глупости. Не каждый день на голову падает тот, кто знает столько секретов твоего врага, сколько тебе и не снилось. Хотя по большей части сведения эти были для Веяны бесполезны. Осведомленность о распорядке дня Межимира, количестве гонителей в Братстве, устройстве Сторожного монастыря и Дома Прозрения, о семьях Старейшин и тому подобное едва ли могли пригодиться при подготовке побега из Надмирного града.

И все же в этом потоке ненужных Веяне сведений она смогла выщепить для себя нечто полезное. Первое: Межимир не способен читать мысли иных, чистых и потомственных ведающих, Стражей и Собирателей. Второе: Баюн умел улавливать текущие мысли абсолютно каждого, за исключением богов, разумеется, но обладал одним очень серьезным ограничением — он не владел ни толикой исцеляющих чар. А значит, если Баюшка, колдуя, получит серьезное ранение, то начнет стремительно слабеть и прервет заклятие, ежели только не отведает тотчас свежей человечины или, на худой конец, не слопает какого-нибудь зверька, чтобы подлатать свое тело за счет чужой плоти.

Однако, по словам Мирославы Никитичны, достать некроманта — дело далеко не простое. Он всегда защищает свое тело плотным покровом чар, отражающих любые удары, как магические, так и нанесенные обычным оружием. Момент для нападения нужно выбирать тщательно.

И у Веяны созрел план.

В том, что рано или поздно Межимир велит Баюну считать ее память, она не сомневалась, и, когда поняла, что иного способа покинуть Житницу у нее попросту нет, намеренно подводила бога к этому решению, терпя все пытки и сохраняя молчание.

Как и сказала Веяна Велимиру, такие заклинания — меч обоюдоострый. Творить древнее колдовство и одновременно укрывать себя чарами даже Баюну будет крайне сложно. Стоит отвлечь его хоть на миг и умудриться ранить — у Веяны появится шанс надорвать заклятие, а затем сплести собственное. Суметь бы только исцелиться к тому времени.

Здесь Веяне снова пригодился дух Мирославы Никитичны, который поведал, что в кладовых Житницы хранятся несколько бутылей с живой и мертвой водой. Коль удастся Веяне хлебнуть мертвой водицы, что мигом излечивает все раны, у нее появится шанс потягаться с Баюшкой и сбежать во время ритуала чтения памяти.

Ведьма всю голову сломала, как ей добраться до воды, но ничего толкового на ум не пришло. Оставался лишь один вариант — сплести заклинание на собственной жизненной силе и

заставить дух Мирославы Никитичны выкрасть для нее бутыль. Шансов на успех у этой затеи почти не было. Подавляющие чары Межимира работали на славу, а жизненных сил после всех истязаний у Веяны осталось ничтожно мало. Управлять духом на расстоянии, да еще и наделить его возможностью касаться предметов, даже для здорового и пышущего здоровьем колдуна рискованно, что уж говорить об искалеченной девушке. Скорее всего, это закончилось бы смертью Веяны. Однако сидеть сложа руки ведьма не могла. Она ведь уже пообещала Ясвету, что вернется, и решила рискнуть.

Но тут судьба преподнесла ей очередной подарок — в усыпальницу явился Велимир. И пусть поначалу он и заартачился, заявив, что ни за что не пойдет на поводу у поганой ведьмы, вскоре переменил свое решение.

К счастью, сегодня Веяну не повели в допросную. Завтра Баюну надлежало провести ритуал чтения памяти, и Межимир великодушно дал ей передышку.

— Его святейшество в последний раз предлагает тебе одуматься, — сказал дознаватель, навестивший Веяну с утра пораньше. — Открой нам все, что ведаешь о Вехах, и тебе будет даровано помилование. Сможешь жить при Житнице чар, заключив договор, как Баюн, и служить Вящему Совету. Времени у тебя до полуночи. Сразу после начнется ритуал.

Веяна, по своему обыкновению, не произнесла ни слова, улеглась на тюфяк спиной к гонителю и закрыла глаза. Невыносимо клонило в сон. Дознаватель ушел.

— Скажи, чего ты хочешь за свободу моей жены, ведьма? — голос Велимира вырвал ее из глубокого сна.

Не сразу Веяна сообразила, что вершитель действительно здесь и обращается к ней. Истерзанный разум с каждым днем работал все хуже, как и тело, которое грозилось в любой момент не выдержать и сдаться.

Веяна тяжело повернулась на другой бок, лицом к Велимиру, но сесть и тем более встать в этот раз не смогла. Губы ее растянулись в победоносной улыбке.

— Ну, — поторопил Велимир, пнув ногой клетку.

Веяна облизала пересохшие губы и покосилась на стоящую подле тюфяка деревянную кружку с водой. Приподнялась на локте и трясущейся рукой придвинула ее к себе. Еще какое-то время понадобилось, чтобы унять дрожь, поднять кружку и сделать несколько глотков.

— Принеси мне мертвой воды, вершитель, — наконец просипела Веяна, завалившись на спину и раскинув руки в стороны, насколько позволяла цепь меж браслетами кандалов.

— Ты, девка, видать, сказок в детстве перечитала, — усмехнулся Велимир. — Или ума от пыток лишилась. Не существует взаправду такой воды. Небылицы все это.

Веяна и бровью не повела и продолжила как ни в чем не бывало:

— Иди в подземелья, что тянутся левее главного входа в Житницу, там, где расположено крыло для хранения особо опасных колдовских находок. Как минуешь пост охраны и комнату приемки новых предметов, ступай по третьему коридору справа. Тебе нужна дверь с номером семьдесят четыре. У дальней стены ровно посередине стоит железный шкаф. На нем навесной замок. На второй полке сверху ищи бутыль из мутного зеленого стекла с начертанной на дне руной «тень».

Велимир взялся за прутья клетки. Он больше не усмехался и не смотрел на Веяну как на безумицу, а быстро смекнул, у кого колдовка это вызнала.

— Так сказала Мирослава?

Ведьма не ответила. Снова перекатилась набок и приподнялась на локте, расковыряла ногтем одну из подсохших болячек на запястье, макнула палец в кровь и начертила на каменном полу руну, похожую на куриную лапу.

— Так выглядит знак «тень».

Она выжидающе уставилась на Велимира. Тот зажмурился и помассировал виски, как если бы его внезапно одолела головная боль.

— Даже мне, вершителю, так просто в запретное хранилище не попасть, — выдал он наконец.

— Не сомневаюсь, ты что-нибудь придумаешь.

Веяна смазала руну ладонью и зажала растревоженную рану тряпкой, что валялась неподалеку. Некогда это была чистая ткань для повязок, наложенных на нее лекарями Житницы после очередного посещения пыточной. Ночью ведьма сняла их и свалила в кучу.

— Как я могу быть уверен, что ты сдержишь слово и отпустишь Мирославу?

— Внимательно посмотри мне в глаза, вершитель. — Веяна все же нашла в себе силы сесть и податься вперед. — Что ты видишь?

Велимир приблизился к клетке вплотную и сделал, как она велела. На миг у него перехватило дыхание и защемило в груди. На вершителя смотрела не незнакомая девка, которую он ненавидел, а его названый брат Ратмир, честнейший из всех, кого Велимир когда-либо знал.

«Да что же я в самом деле творю? — пронеслось в голове у Велимира. — И Ратмира сгубил, и Тихею руками Берга убил. И ведь ни разу в том перед Праматерью не покаялся. Мне судьба второй шанс дала, снова с его дочерью свела. А я? Неужто позволю ей сгинуть?»

Велимир очнулся, когда ощутил влагу на щеках. Он провел ладонями по лицу и в недоумении уставился на свои мокрые руки.

Слезы? Когда он вообще плакал в последний раз?

— Вершитель, — позвала Веяна, — отец никогда не был на тебя в обиде. Ни мгновения не корил ни тебя, ни жену твою. Он всегда понимал, что ты не мог тогда поступить иначе, иначе пострадала бы уже твоя семья.

Велимир вытер ладони о рубаху.

— Ты не можешь этого знать.

— Но я знаю, — загадочно улыбнулась Веяна и добавила, прислонившись спиной к клетке и смежив веки: — Достань воду.

Велимир ничего больше не сказал, только кивнул в ответ и покинул усыпальницу.

Глава 7. Последнее желание

Берг всегда гордился своим званием единца. Не просто гонитель, а лучший из лучших, совершенный слуга Великой Безокой Богини, воин Света, несущий в мир порядок и безопасность. До недавнего времени он не знал никаких сомнений и душевных метаний — просто делал свою работу и делал ее превосходно.

А потом Берг встретил Веяну, и все изменилось в мгновение ока. Он даже не успел понять, в какой именно момент привычная картина мира покрылась трещинами, обнажив неприглядное, прескверное нутро.

Убивать ведьм и нечисть — что может быть проще? Дело привычное, уже давно ставшее рутиной. Так отчего именно с появлением Веяны меч на поясе вдруг начал ощущаться неподъемной тяжестью, а подвеска гонителя на серебряной цепочке — удавкой, лишающей легкие воздуха?

Посвятить жизнь и душу служению Церкви и Вящему Совету — вот высшее благо, этому учили Берга с малолетства. Однако как быть, если твое сердце больше не покорно разуму и отныне принадлежит не тебе, а другому человеку? Что делать, если сознание и тело в разладе, и рука, сжимающая оружие, уже не столь тверда, как прежде?

Допрежь Берг всегда выполнял данные ему Советом поручения с гордостью, но нынче в доверенном ему деле чести не было. Совсем скоро Бергу придется смотреть, как одно подневольное и загнанное в угол существо будет вынуждено уничтожить другое, такое же. Но то случится после полуночи, а пока перед Бергом стояла совсем иная задача.

Близился полдень, и единец отправился в усыпальницу, чтобы попрощаться с Веяной. Он много размышлял над словами Велимира и в итоге твердо решил всеми силами бороться с чувствами и действовать исключительно в интересах Междукняжья. В конце концов, о каком личном счастье может идти речь, если мир вокруг рухнет и потонет в страданиях?

Берг остановился у входа в усыпальницу, поздоровался со стражниками, глубоко вдохнул и вошел. Давненько он сюда не спускался, почитай с тех пор, как Веяну стали ежедневно водить на допросы. Берг просто не мог заставить себя прийти к ней и заговорить. Потому он лишь наведывался время от времени в пыточные и безмолвно наблюдал за допросами, а когда смотреть на все это делалось невмоготу, также молча уходил.

В усыпальнице никогда ничего не менялось: золотое облако в каменной чаше, саркофаги, рабочий стол и кресло главы Житницы чар, полки с толстенными папками, в которых хранились записи о состоянии Праматери и Ее сынов за много лет, факелы на стенах, гнетущая тишина, запредельная концентрация божественной магии и… клетка в дальнем углу.

Заговорит ли Веяна с Бергом сегодня?

Единец сжал в кулаке подвеску гонителя, которую нынче закрепил на поясе, а не шее, и медленно приблизился к клетке.

Веяна привычно сидела на тюфяке у дальней стенки, привалившись к ней спиной. Рядом виднелась кучка соломы, которую она, видимо, вытащила из своей нехитрой постели. Ведьма что-то мастерила, скручивая меж собой сухие стебли, и, казалось, вовсе не замечала Берга.

Свои спутанные серые волосы она заплела в косу и подвязала обрывком ткани. Босые, покрытые ссадинами и синяками ноги подобрала под себя. Искалеченные пальцы рук слушались плохо, но Веяна все равно упорно продолжала складывать соломинки в одном ей ведомом порядке.

Берг наблюдал за ней довольно долго, но в итоге у него закончилось терпение.

— Я пришел попрощаться.

— Обожди еще чуток, — ответила Веяна, немало удивив этим единца.

Чаще всего его визиты в усыпальницу оканчивались тем, что он болтал сам с собой, а ведьма лишь пристально на него глядела или бросала короткие фразы, наподобие той, что произнесла в день, когда казнили Мирославу Никитичну: «Привычный порядок ты сохранил. Теперь попробуй его удержать».

«Удержу, — думал Берг прямо сейчас. — Любой ценой удержу и верну мир на земли Междукняжья. Даже если придется отказаться от всего, что мне дорого».

— Тебе недолго осталось. — Берг отстегнул от пояса ключи и отпер клетку, вошел внутрь и сел на пол напротив Веяны, подтянув одну ногу, согнутую в колене, к груди и обхватив ее руками. — Нет времени на ожидание.

Ведьма своего занятия не прервала, даже мельком не взглянула на Берга. Единец раздраженно вздохнул.

— Межимир дозволил мне исполнить три твои последние просьбы. В пределах разумного, конечно. Есть что-то, чего ты желаешь перед смертью?

Берг говорил спокойно, почти равнодушно, но на самом деле каждое слово обжигало горло огнем, отдавало на языке горечью, а в сердце колющей болью. Велимир советовал обнажить перед Веяной душу, выложить все как на духу, чтобы не осталось после сожалений. Да только как тут заговорить о чувствах, когда она даже не смотрит на него.

— Кинжал мне дай, — неожиданно потребовала ведьма, все-таки переведя взгляд со своего рукоделия на единца, и протянула к нему раскрытую ладонь.

— Я вроде ясно выразился. Просьбы должны быть разумными.

Берг и не подумал вытащить клинок из ножен.

Веяна опустила руку и слабо улыбнулась.

— Эта просьба в число тех трех не входит. — Она отложила в сторону соломенное нечто и расплела косу. — Надо прядку волос отрезать. Не хочешь давать мне оружие, — она отделила тонкую прядь, — сделай это сам.

Берг с сомнением взирал то на ведьму, то на локон, который она требовала отрезать. Но в итоге счел такую просьбу безобидной, обнажил кинжал, подался вперед и отсек прядь.

— Видишь, ничего страшного не произошло, — поддразнила Веяна.

Для той, кому осталось жить до полуночи, она пребывала в поразительно приподнятом настроении, и Берга не могло это не настораживать. За время проживания в Стародубках он хорошо усвоил одно: Веяна никогда и ничего не делает просто так, каждое ее действие, слово и жест продуманы до мелочей, которые позже непременно сложатся в цельную картину.

Отрезанная прядка не стала исключением. Ведьма сплела из нее тонюсенькую косичку, концы которой перевязала отдельными волосками. Затем взяла соломенную поделку и приладила на нее эту косицу. Берг все еще толком не мог разобрать, что именно Веяна там смастерила, и сгорал от любопытства.

А ведьма меж тем сложила ладони лодочкой, в которой покоилась соломенная вещица, поднесла ее к губам почти вплотную и зашептала:

— Тихо, тихо на дворе, не слыхать беды нигде. Мы ни ночью, ни днем на двор чужих не зовем. Мы их гоним за околицу, прогоняем на седмицу, на года, а после и навсегда. Пусть от нас далече уходят и другими дорогами ходят. Пока все звезды на небе не сочтут, да песчинки все в пустынях не переберут, обратно к нам не придут и Берга, раба Праматери, виной не изведут.

Глаза Веяны ярко вспыхнули. Она подула в ладони. Из носа ее вытекла тонкая струйка крови. Ведьма пошатнулась, но сохранила равновесие.

— Что ты сделала? — Берг снова потянулся к кинжалу, другой рукой сжал свою подвеску.

— Тише, гонитель, — поспешила успокоить его Веяна. — Ты сказал, что пришел проститься и даже обещался исполнить три моих желания. Не могла же я оставить тебя без прощального подарка.

Она протянула ему раскрытую ладонь. На ней красовался небольшой, размером с медальон гонителя, искусно сплетенный из соломы месяц, обвязанный косичкой из волос Веяны. Берг поостерегся брать подарок.

— Если в скором времени ничего не сделать с твоей виной, — пояснила ведьма, придвигаясь ближе к единцу и беря его за руку, — это чувство очернит и разрушит твою душу. Сам ведь видишь, — она посмотрела ему за спину так, словно в усыпальнице помимо них был кто-то еще.

Берг не обернулся, он и без того знал, что тень его стала куда плотнее и в разы длиннее, чем прежде. Чувство вины и правда росло с каждым днем.

— Возьми и всегда носи с собой. На какое-то время этого хватит.

Веяна вложила месяц ему в руку, и Берг мигом ощутил небывалое облегчение и давно позабытую легкость в членах. Он все же обернулся. Тень укоротилась до нормального размера и сделалась почти неразличимой. Невероятно. Вот так просто?

— Почему помогаешь мне? Ведь я принес тебе столько горя.

Берг встретился глазами с Веяной.

— Я уже говорила тебе: на калечных не обижаются. Неужто позабыл?

— Это я-то тут калечный?

Он окинул взглядом ее истерзанное тело.

— Твоя душа больна. Твои очи слепы. Твой ум затуманен, а воля твоя порабощена. Разве ж можно назвать тебя здоровым?

Веяна накрыла руку Берга своей, заставив сжать месяц в кулаке. Единец не нашелся, что возразить, да и препираться совсем не хотелось, поэтому спросил о другом:

— Ты смастерила его заранее. Откуда знала, что я приду?

Ведьма только пожала плечами и хитро улыбнулась.

— Просто надеялась на это.

— Почему? — Берг вдруг ощутил себя донельзя неловко и взволнованно.

— А почему ты захотел увидеться напоследок? — увильнула от ответа Веяна.

Единец высвободил ладонь из ее рук и убрал месяц в кошель на поясе, подумав, что носить его при себе вряд ли сможет: от оберега тянуло чарами. Соломенный месяц пах так же, как и Веяна: цветущим лугом, родниковой водой и хвоей. Другие гонители мигом унюхают эту вещицу и едва ли отнесутся к Бергу с пониманием, если он попытается объяснить, зачем она нужна ему.

Берг не без раздражения наблюдал за суетящимися стражниками. Веяна изъявила желание как следует вымыться и одеться в чистое. И вскоре рядом с клеткой установили дубовый чан, наполненный теплой водой. Принесли две лохани с водой для ополаскивания, ковш, а еще табурет, на который положили большой чистый отрез ткани для вытирания, мочало и мыло, доставленное слугой из усадьбы Умрановых по приказу Берга. Мыло Мирослава Никитична часто привозила из своих поездок в соседние королевства, и этого «богатства» в доме было навалом.

Вскоре принесли одежду: белую рубаху, серый сарафан и пояс. Все было новым, но простым, без вышивки и прочих украшательств. Распорядился Берг и насчет гребня с лентой для волос.

Когда стражи ушли, единец отпер клетку, которую закрывал на время приготовлений. Он вошел внутрь, подал Веяне руку, помогая встать с тюфяка, и отстегнул цепь от ошейника. Затем снял кандалы с ее запястий и присел, чтобы освободить ноги. Раны под железными браслетами ужасали.

— Мне же нет нужды предостерегать тебя от необдуманных действий? — сказал Берг, поднимаясь.

— По-твоему, мне сейчас есть что тебе противопоставить? — усмехнулась Веяна, потирая запястья и переступая с ноги на ноги с выражением блаженства на лице.

— Ты заговорила оберег, несмотря на ошейник. А там, — Берг указал на чан, — вода.

— Ах вот оно что, — сообразила Веяна. — Не волнуйся, гонитель, — она похлопала его по плечу. — Этой водой я силы не восполню. Мне для такого нужны природные водоемы. А это так, жидкость, дабы грязь смыть и только.

— Сглупишь, жалеть не стану, — отступил в сторону Берг, пропуская ведьму к чану.

— Будто ты до этого меня жалел.

Веяна, прихрамывая, проследовала к купели. Единец тоже вышел из клетки, отстегнул пояс с оружием и положил его на стол. После опустился в кресло, предварительно развернув его лицом к ведьме. Та уже было взялась за край рубахи, чтобы снять, но замерла, удивленно вскинув брови.

— Ты же не думала, что я хоть на миг упущу тебя из виду? — ответил Берг на невысказанный вопрос.

Веяна замешкалась и явно смутилась, отчего на щеках проступил едва заметный румянец.

— Что такое? — Берг вдруг ощутил ни с чем несравнимое удовольствие, ведь ему наконец удалось заставить невозмутимую ведьму стушеваться. — Ты уже оголялась при мне, когда показывала шрамы.

— Я… я стояла к тебе спиной и не раздевалась до конца.

— Так повернись задом и сейчас. Кто тебе мешает? — развел руками Берг, невольно улыбаясь.

На мгновение он совсем позабыл, где именно они находятся и что неизбежно случится после полуночи. Все внимание единца поглотила хрупкая девичья фигурка, ничуть не утратившая для него своей притягательности даже в таком жалком состоянии. Берг словно не замечал ран на теле Веяны, темных кругов под глазами, грязных, всклокоченных волос и изодранной, пропитанной кровью и потом рубахи. Для него ведьма по-прежнему была самой красивой и желанной женщиной на земле. И ее смятение и невинность будоражили кровь.

Но в растерянности Веяна пребывала недолго. Уже в следующий миг она гордо вздернула носик и упрямо поджала губы.

— Смотри сколько влезет, охальник, — и сняла рубаху, оставшись при этом лицом к Бергу.

Улыбка тотчас исчезла с губ единца, а реальность обрушилась на него с новой силой. Бледную кожу хаотично пересекали багровые полосы. Где-то уже образовались рубцы, где-то края ран едва начали срастаться, покрытые кровяной коркой. Особенно бросалась в глаза худоба Веяны, ранее скрытая безразмерной одеждой. Отчетливо проступали ребра и кости таза, выпирали ключицы, и без того плоский живот теперь слегка ввалился.

— Нравится? — с издевкой поинтересовалась ведьма.

— Просто мойся уже.

Веяна взялась за край чана, и оказалось, что залезть в него самой ей не по силам. Она и без того стояла слишком долго, ноги уже начали дрожать, а в руках ощущалась дикая слабость.

— Я сама не смогу, — пробормотала она тихо-тихо, но Берг услышал.

Он оказался рядом чуть ли не мгновенно и придержал Веяну за локоть. Затем, заставив ее ахнуть от неожиданности, подхватил на руки и бережно опустил в чан, замочив рукава туники.

Веяна зашипела от боли, когда намокли раны, но это чувство быстро сменилось приятным теплом.

— Я помогу. У тебя ж пальцы почти не гнутся, — сказал Берг, закатывая рукава и с сомнением глядя на мочало: нет, оно сегодня точно не пригодится, до Веяны и без этого страшно дотронуться.

Ведьма вопреки его ожиданиям возражать не стала. Просто обхватила колени руками и уставилась в воду.

— Как хочешь, — бросила все так же тихо.

Впервые Бергу довелось заниматься чем-то подобным. Купаться вместе с женщинами ему, конечно, случалось и раньше, но чтобы мыть девицу вот так, без каких-либо скабрёзных мыслей, — это было в новинку.

Трудно сказать, для кого из них происходящее стало большей пыткой, но уже через четверть часа оба стали пунцовыми от стыда и неловкости. Если поначалу Берга и правда не посещали никакие посторонние мысли, окромя искреннего желания помочь Веяне, то в процессе непристойные думы стали закрадываться в разум. Ведьма же и вовсе забыла, как дышать, когда Берг закончил промывать волосы и велел ей встать, чтобы он мог как следует намылить тело.

— Дальше я сама, — пискнула она испуганно, выхватив у него мыло, которое тут же выскользнуло из рук и шлепнулось в воду.

— Что ты там сама делать собралась? — проворчал Берг, наклоняясь и шаря по дну чана. — Дрожишь вся. Руки вон вообще не держат. Ноги подкашиваются. Сама она, пф.

Оттого, что Берг стал еще ближе, Веяна буквально обмерла. Его волосы случайно коснулись ее обнаженных бедер, пока он искал мыло. Волнение ведьмы достигло пика, она вздрогнула, хотела отступить, но чан для такого маневра оказался слишком тесен. Веяна бестолково всплеснула руками, вскрикнула, еще чуть-чуть — и она перевалилась бы через борт, но вместо того, чтобы упасть, очутилась в крепких объятиях.

— Испугалась? — хрипло спросил Берг.

Веяна кивнула и поспешила высвободиться из его хватки.

— Спасибо.

Остаток купания прошел в тишине. Берг, как мог, гнал прочь непотребные мысли, пока намыливал, ополаскивал и вытирал Веяну. А она боялась лишний раз шелохнуться, только вздрагивала порой, если он ненароком чересчур сильно надавливал на синяки или задевал раны.

Когда с мытьем было покончено, Берг был немногим суше Веяны. Мокрая одежда неприятно липла к телу. Он снял тунику и отжал, но это не сильно помогло. Надев ее снова, Берг заметил, что Веяна до сих пор стоит, завернувшись в отрез льна.

— Ты чего? Сарафан не нравится? Ну прости уж, что есть, то есть.

— Не в сарафане дело, — потупила взор Веяна, комкая пальцами ткань, которую удерживала на груди.

— Тогда почему до сих пор не оделась? С этим тебе тоже надо помочь?

Он потянулся к ее рубахе.

— Нет, — резко остановила его Веяна. — Дело в том… в том…

Берг был заинтригован. Впервые слышал, как ведьма так неуверенно и испуганно мямлит.

— Я… — видимо, у нее никак не получалось собраться с мыслями. — Я… ну… Я ведь использовала только два желания: мытье и одежда.

— Верно. Решила озвучить третье?

Веяна закивала, а потом зажмурилась и выпалила на одном дыхании:

— Не хочу умирать, не познав мужчины. Можешь сделать это со мной?

У Берга отвисла челюсть.

Глава 8. Капля любви

Берг во все глаза смотрел на Веяну и не верил своим ушам. Мигом рассыпались в прах и весь его безупречный самоконтроль, и убежденность, что чувства никогда не должны властвовать над разумом. Отчего после всех перенесенных страданий, которые свалились на Веяну по вине Берга и его родителей, она не только не возненавидела его, но и желала близости?

Происходящее казалось Бергу жестокой шуткой, однако донельзя решительный, пусть и полный смущения взгляд ведьмы говорил, что все взаправду.

— Прости. — Берг все же взял рубаху, которую так и не подал Веяне ранее. — Но я не могу. С моей стороны воспользоваться тобой, когда ты находишься в таком уязвимом положении, будет подло.

— Ой ли. — Ведьма и не подумала взять одежду, только улыбнулась то ли насмешливо, то ли разочарованно. — Чего ж ты не озаботился моим беспомощным положением, когда вогнал мне в шею отравленную подвеску?

Берг опустил руку с рубахой и стиснул кулаки.

— Тогда на кону стояло благополучие Междукняжья. А то, чего ты требуешь сейчас, — лишь блажь, пришедшая на ум загнанному в угол человеку, жаждущему напоследок ощутить хоть каплю любви.

Глаза Веяны недобро замерцали.

— Пусть так. Но в таком случае что насчет тебя, гонитель? Чего ради ты пришел к этому умирающему человеку, заговорить с которым не решался много дней? Что хотел ощутить ты, выпросив у Межимира разрешение на исполнение моих предсмертных желаний? Что надеялся получить взамен? Неужто ждал, что это поможет тебе избавиться от мук съедающей тебя совести?

Берг положил рубашку обратно на табурет. На языке крутились десятки слов, самых разных: от признаний в любви и извинений до проклятий в адрес Веяны, умеющей так легко вывести его из себя. Но единец не сказал ни того, ни другого. Он шагнул ей навстречу: действовать всегда было привычнее, чем выворачивать перед кем-то наизнанку душу. Веяна невольно отступила. Взгляд Берга если не пугал ее, то внушал опасения. Он подошел еще ближе и в итоге припер ведьму спиной к стенке клетки, вцепился в прутья над ее плечами.

— Ты ведь на самом деле не хочешь этого, так зачем продолжаешь подначивать? Что ты задумала?

— Много ты понимаешь в том, что надобно девицам, — фыркнула Веяна, не сводя глаз с его лица и ловя малейшие изменения во взоре.

«Срань сратая! Будь прокляты эти чертовы колдовские очи!» — мысленно выругался Берг, осознавая, что противиться ведьме долго не сможет. И все же совесть пока не давала окончательно потерять голову. Кем он будет после такого? Как станет жить в ладу с самим собой, если снова воспользуется Веяной, когда она не в состоянии дать ему отпор?

А она, будто почуяв, что единец почти уступил, прошептала вкрадчиво:

— Берг, я просто хочу, чтобы напоследок мне было хорошо. Ты же можешь сделать так, чтобы мне было приятно? Прошу, не откажи. Заставь меня хоть на часок забыть о боли.

Звук собственного имени, произнесенного этим нежным голосом, подействовал на Берга гипнотически, рука сама потянулась к ее щеке. Костяшками пальцев он нежно провел по скуле Веяны.

— Забыть о боли? — усмехнулся грустно. — Ты точно не понимаешь, о чем просишь.

— Разве та боль, что сулит мне наша близость, сравнится с часами, проведенными в пыточной? Не смеши меня, гонитель.

— Почему именно со мной? Разве ты не должна была меня возненавидеть и начать презирать? Почему не злишься, зачем плетешь мне обереги и отдаешь свое тело?

Его пальцы спустились ниже, погладили шею над ошейником.

— Потому что монстра в себе видишь лишь ты. — Она отпустила края полотна, в которое куталась, и оно упало к ее ногам. — А я все еще помню юнца, дрожащего от страха в лесу четырнадцать лет назад. — Веяна обвила руками шею Берга. — И верю, что в мужчине, стоящем передо мной, по-прежнему живет тот парень, у которого рука не поднялась убить ребенка. Тебе просто не повезло, Берг из рода Умрановых, тебя не учили любить и прощать. Но учили меня. И сейчас этого достаточно. Перестань упрямиться. Не желаю тратить последние часы жизни на препирательства.

Веяна поднялась на цыпочки и сама поцеловала Берга.

Неправильно, все было неправильно, но каждая пядь тела отзывалась на близость ведьмы желанием большего.

Когда Веяна была еще ребенком и только-только пришла с Ефимом в Стародубки, одна вещунья по просьбе Боруна посмотрела ее судьбу и сказала: «Твоя жизнь будет тяжела, дитя мое, но покуда ты жива, везение будет сопутствовать тебе всегда и везде. Ничего не страшись, милая, удача не покинет тебя ни на миг, в сколь бы безвыходном положении ты ни оказалась». Так и вышло: какие бы удары судьбы на Веяну ни обрушивались, все всегда разрешалось невероятнейшим образом.

Ведьма не сомневалась: в этот раз ее спасением станет семейство Умрановых. Воистину у судьбы крайне извращенное чувство юмора, но выбирать ведьме не приходилось.

Она не солгала Бергу, сказав, что не держит на него зла, однако делить с ним постель ранее и не думала. Мысль эта пришла в голову внезапно в процессе мытья. Веяна заметила то, чему не придавала значения прежде: Берг хоть и звался гордым словом «гонитель», но, по сути, был оборотнем — обычным магическим существом. А значит, Веяна могла вытянуть из него немного чар себе на восстановление. Добровольно он ими делиться вряд ли бы стал, и ведьма решилась на довольно отчаянный шаг — соитие. Не единожды слышала Веяна о таком способе обмена чарами, но всегда его сторонилась. Теперь же иного выбора у нее не было.

Одно радовало — Берг не был противен, напротив, Веяна находила его очень даже приятным внешне, да и ворчливый характер гонителя ее скорее забавлял, чем отталкивал. Разве что не заслужил он от нее такой милости после всех своих выходок, но тут уж ничего не попишешь.

Было страшно, пожалуй, даже страшнее, чем встретиться впервые лицом к лицу с Межимиром. А что, если Берг учует, как она тянет из него силы? Нет, нельзя о таком думать, надо сосредоточиться на другом.

Его губы были мягкими, хотя жесткая борода слегка царапала кожу. Берг ответил на поцелуй. Ладони его скользнули по плечам Веяны, прошлись по спине, легли на талию. Она чувствовала грубые мозоли на руках единца, и ее тронуло, как осторожно он к ней прикасался, помня о ранах и синяках.

В висках у Веяны шумело от волнения и незнакомых доселе ощущений. Едва ли то можно было назвать диким возбуждением: она была слишком измотана и сосредоточена на мыслях о поглощении чар и предстоящем ритуале, но все же близость Берга будоражила. Ей нравились его запах, лицо и телосложение. Ей доставляло удовольствие ощущать под пальцами упругие мышцы, облепленные мокрой тканью туники. Захотелось немедля убрать эту ненужную преграду, и Веяна нащупала края его одежды, однако не единожды вывихнутые пальцы слушались плохо, движения ее были неуклюжими.

И Берг разорвал поцелуй, сам снял тунику, подобрал с пола отрез льна и расстелил его поверх соломенного тюфяка. Во взгляде его по-прежнему читалось сомнение, и, боясь, что он

передумает, Веяна вновь первая прильнула к нему. Она целовала его неумело, но Берг быстро перехватил инициативу, и уже через мгновение ведьма ощутила, как по телу начинает разливаться тепло. Его язык сплетался с ее языком, не давая толком вдохнуть. А стоило Веяне прижаться к его обнаженной груди, ее тут же объяло жаром.

Она вдруг почувствовала себя пойманной в охотничьи силки птицей: сколько ни трепыхайся — не сбежишь. Ноги предательски задрожали, что-то приятно защекотало под кожей. Берг не дал ей упасть, аккуратно подхватил и бережно уложил на тюфяк. Он навис над Веяной, опершись на предплечья, и пару мгновений напряженно вглядывался в ее глаза.

— Точно не пожалеешь? — спросил наконец.

Веяна покачала головой.

— Не таким должен быть первый раз. — Берг убрал влажные волосы от ее лица и почти невесомо коснулся губами лба.

— Никакого другого у меня уже не будет. — Веяна накрыла ладонями его щеки. — Пожалуйста.

Берг потянулся к ее губам и вдруг резко отпрянул. Он приподнялся на руках и уставился на Веяну, куда-то в район межключичной впадины. Выражение встревоженности и ласковой заботы мигом исчезло с его лица.

— Что за…

Он провел кончиками пальцев по медленно затянувшейся прямо на его глазах царапине, которая мгновение назад была покрыта коркой свернувшейся крови.

Веяна только закрыла глаза и тяжело вздохнула. Черт! Она не хотела исцеляться сейчас, планировала скопить чар и воспользоваться ими, когда Берг уйдет, но проклятый Межимиров ошейник не давал колдовать как следует. Истощенное тело сразу же направило магию в раны, не подчинившись воле Веяны.

— Ха. — Берг опустился ягодицами на пятки и с раздражением взъерошил свои волосы. — Ты не волчица, ведьма, а настоящая лисица, — процедил он сквозь зубы.

Глаза его полыхали негодованием, на скулах играли желваки. Веяна поспешила отодвинуться и сесть. Подтянув колени к груди, обхватила их руками. Она смотрела на Берга исподлобья, не зная, чего от него ждать. Единец встал и несколько раз прошелся по клетке туда-сюда, взгляд его зацепился за кучу окровавленного тряпья в углу, потом он медленно перевел взор на чан, вода в котором после купания Веяны тоже приняла красноватый оттенок, следом уставился на стол, где лежал пояс и кошель, куда он убрал месяц-оберег.

Ведьма не двигалась, наблюдая за Бергом с внимательностью человека, ожидающего нападения в любой момент.

— Знаешь, — он повернулся к Веяне и скрестил руки на груди, — я всю жизнь недоумевал, как мой отец или дядька Ратмир, будучи гонителями, спутались с ведьмами и не боялись, что те однажды обратят свои чары против них. Я гадал, отчего они готовы рисковать всем ради презренных колдовок. А теперь я тут. — Берг развел руками, покачав головой. — Сгораю от желания слиться с ведьмой и не могу даже разозлиться как следует на то, что меня использовали.

— Так поддайся, — малость успокоилась и вновь осмелела Веяна. — Тебе с того вреда никакого. А я хотя бы смогу встретить смерть с гордо поднятой головой, а не трясясь и горбясь перед Баюном от боли. Сделай одолжение, гонитель. После всего того, через что я прошла по твоей милости, разве ж не будет справедливым облегчить напоследок мои страдания?

Берг подошел к Веяне и сел на тюфяк рядом с ней.

— Я не дурак, ведьма. Коль излечишь тело, наверняка сможешь противостоять Баюну. У меня есть к тебе другое предложение. — Он прикоснулся к ее стопе и медленно провел по голени вверх-вниз. — Просто расскажи мне все, что знаешь о Вехах и о том, кто пробуждает Первотень. И не будет никакого заклятия чтения памяти, пыток и клетки. Станешь жить со

мной, сможешь, как и прежде, людей лечить. Захочешь — в Надмирном граде останешься, не захочешь — отвезу тебя в нашу семейную деревенскую усадьбу.

Веяна закрыла глаза и уткнулась лбом в колени.

— А заклинание, сковывающее мою магию, развеешь?

Рука единца, поглаживающая ногу ведьмы, замерла. Веяна, не поднимая головы, усмехнулась.

— Ступай, гонитель. За купание и одежу спасибо. На том все. Прощание можно считать состоявшимся.

Ладонь Берга крепко сомкнулась вокруг щиколотки ведьмы, но она не почувствовала боли, скорее какое-то исступленное, неосознанное желание единца удержать ее и заставить время замереть здесь и сейчас. Плечи его вдруг поникли, он ниже склонил голову и вперился в пол.

— Я… я помогу тебе восстановиться, — выдал Берг, совершенно сбив Веяну с толку своим переменчивым поведением. — Но знай, что если попытаешься сорвать ритуал, сбежать или навредить гонителям и служителям Житницы, я в стороне не останусь.

Веяна выпрямилась, он тоже поднял голову. Их глаза встретились. И тут ведьма вдруг четко осознала одну простую вещь: Ясвет был прав, она до сих пор не предпринимала попыток бежать не из-за отсутствия возможностей, а потому что подспудно ждала, что Берг передумает, встанет на ее сторону и спасет, захочет добровольно уйти вместе с ней.

«Да уж, не так я представляла свою первую любовь, когда предавалась глупым мечтаниям», — мысленно посмеялась над собой Веяна.

В ведьме резко что-то переменилось после его последних слов. Берг не смог бы дать этому внятного описания, но чувствовал ее состояние всем нутром. А дальше все случилось точно в бреду.

Их близость не была проявлением любви, скорее необузданными игрищами двух оборотней, давших волю звериным инстинктам. И если поначалу Берг худо-бедно себя сдерживал, памятуя о ранах Веяны, то чем бледнее становились синяки на ее коже, чем меньше оставалось незатянувшихся порезов, тем больше он давал себе волю.

Едва ли хоть одна женщина прежде доводила его до такого сладостного и одновременно мучительного исступления. Тело Веяны отзывалось восторгом на каждое его прикосновение, на каждый поцелуй. И уже не следами от пыток пестрела бледная кожа, а узорами страсти, оставляемыми требовательными руками и зубами, которые против воли то становились медвежьими, то снова возвращались в нормальное состояние.

Берг допрежь никогда не балансировал на грани обращения в зверя так долго, не пребывал разумом в двух ипостасях одновременно. Это буквально лишало рассудка. Делиться с Веяной чарами оказалось поистине волшебно. Видеть, как на изможденном лице вновь расцветает румянец, как ярче разгорается колдовской огонь в желтых хищных глазах, как вспыхивают серебряные искры в серых волосах, было восхитительно.

Они дышали и двигались в унисон. Берг еще даже не проник в нее, а уже был близок к кульминации. Он терзал ее губы, впивался зубами в горошины сосков, покрывал поцелуями плечи, ключицы, живот и бедра. А Веяна до боли кусала его в шею и царапала спину, выгибалась навстречу, соблазнительно двигая бедрами и широко разводя стройные ноги. Она больше не смущалась, отдавая всю себя в его власть.

— Берг, хорошо, — шептала ведьма, хватаясь одной рукой за прутья клетки, а другой зарываясь в волосы единца и надавливая на затылок, когда его язык коснулся чувствительного бугорка меж ее ног. — Ах! — Она задрожала сильнее, стоило ему погрузить в ее лоно сначала один палец, а потом и второй. — Еще… Берг…

Ее голос ласкал слух. Она была невероятной на вкус, такой податливой и неопытной, и в то же время отчаянно жаждущей того, о чем пока еще не имела ни малейшего представления.

— Берг, стой… там… ах… странно…

Веяна попыталась отстраниться, но он не позволил, задвигал пальцами быстрее, сильнее надавил языком снаружи. Она закрыла лицо ладонями, выгнулась и вскрикнула. Берг почувствовал, как сократились мышцы ее нутра вокруг его пальцев.

Он не дал ведьме опомниться, быстро разделся до конца. Навис над ней, сведя ее запястья над головой и прижав их к тюфяку одной рукой. Второй он нежно провел по влажным складкам ее лона. Веяна зажмурилась и отвернулась, не в силах взглянуть любовнику в лицо.

— Теперь будет больно. — Берг прикусил ее за мочку уха и тут же обвел место укуса языком. — Я постараюсь сделать все как можно аккуратнее.

Она все же нашла в себе силы посмотреть на него. В уголках желтых глаз блестели слезинки, но на дне их плясали бесовские огоньки похоти.

— Я не боюсь боли, — прошептала Веяна, обнимая Берга за шею.

Рука ее неуверенно скользнула по его животу к паху. Ладошка сомкнулась вокруг возбужденной плоти. На миг во взоре ведьмы мелькнуло сомнение и беспокойство.

— Это точно можно засунуть в человека?

Берг едва сдержал смех. Наклонился, поцеловал ее в висок. Свободной рукой взял Веяну под колено, подался вперед. Она вопреки волнению сама направила его внутрь себя, но тут же вскрикнула и закусила губу. Из глаз ее брызнули слезы, но Берга она не оттолкнула, наоборот, обвила ногами его талию и притянула к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.